

Ольга Росса

*Mesclée
Parfumerie
de Paris*

"Аромат любви"
от
сударыни-попаданки

Попаданки в империю (однотомники)

Ольга Росса

**"Аромат любви" от
сударыни-попаданки**

«Автор»

2026

Росса О.

"Аромат любви" от сударыни-попаданки / О. Росса — «Автор», 2026 — (Попаданки в империю (однотомники))

Два года назад я попала в аварию, но каким-то чудом очутилась в Москве 1889 года в теле богатой сиротки. Вот только рано я радовалась второму шансу на жизнь. Тётушка решила избавиться от меня и прибрать к рукам моё наследство. Нужно срочно выйти замуж, пока эта карга не отправила меня на тот свет. На моём пути встретился молодой вдовец, помешанный на химии, Александр Островский. У нас есть общая страсть — парфюмерия. Я предложила ему выгодный фиктивный брак, от которого он не смог отказаться. Только после свадьбы я узнала, что мой муж дамский угодник. Я построю собственную парфюмерную империю и заставлю супруга уважать меня. В книге вас ждут: деятельная попаданка, обаятельный герой, фиктивный брак, но не надолго, альтернативная Российская империя, счастливый финал, героиня без магии. Книжки цикла можно читать отдельно.

© Росса О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Похищение	5
Глава 2. Странная барышня	7
Глава 3. Спаситель	10
Глава 4. Торг	13
Глава 5.1 Возвращение	15
Глава 5.2 Возвращение	18
Глава 6. Григорий	21
Глава 7. Пари	24
Глава 8. Знакомство	27
Глава 9. Лаборатория	30
Глава 10. Обед	33
Глава 11. Побег	36
Глава 12. Спасение	39
Глава 13. Грустная история	42
Глава 14. Собрание	44
Глава 15. Проказник	47
Глава 16. Сделка	51
Глава 17. Разговор о делах	54
Глава 18. Гувернантка	57
Глава 19. Подруга	60
Глава 20. Парфюмерная дегустация	63
Глава 21. Венчание	66
Глава 22. Родня против	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

"Аромат любви" от сударыни-попаданки

Глава 1. Похищение

От автора: Дорогие читатели, это отдельная история в цикле о попаданках в Российскую империю. Имеет самостоятельный сюжет.

Варя

Мне снился удивительный сон. Я покачивалась на тёплых волнах, наслаждаясь нежными ароматами. Солнышко ласкало кожу. Наверное, я в раю...

— Антип, ты не связал её, что ли? — возмущённый бас нарушил моё умиротворение. К горлу подступила тошнота, и я еле сдержала позыв.

— Дык велено из неё утопленницу сделать, — неуверенно проблеял второй мужик. — А если связать барышню, кто ж поверит, что она того... сама в реку кинулась?

— И то верно, — задумался подельник. — Ладно, пушай лежит. Я хорошо её хлорофоро... хлоро... в общем, гадости этой дал надышаться. Она долго ещё не очухается. А то Щедрина не заплатит нам остаток, ежели кто усомнится, что девица не сама в реке утопла. Шаз дойдём до места, где поглубже, и поминай как звали.

Я едва не выдала себя, услышав знакомую фамилию. Щедрина Алевтина Эдуардовна — моя родная тётя, точнее Варвары Бахметевой, в чьё тело я попала два года назад. И кажется, родственница серьёзно взялась за племянницу, наняв бандитов. Ох и жадная баба, особенно до чужого наследства.

Июльское солнце припекает кожу на щеке, где-то вдалеке птахи щебечут, скрипит уключина, слышен плеск воды. И вот лежу я в неудобной позе с согнутыми ногами на дне лодки, покачиваясь на волнах, на волоске от смерти. Хорошо, что эти душегубы меня не связали. Есть шанс улизнуть. Например, броситься в воду, если я, конечно, доплыву до берега. Плаваю я так себе.

— А вдруг уже померла девица-то? — засомневался один из похитителей.

— Да не, живая она, — задумчиво ответил второй. — Не бойсь, Антип. Аптекарь сказал, что человек будет просто крепко спать.

Меня легонько ткнули локтём в бок. Может, подскочить и броситься в воду, крича во всё горло «Спасите!»? Только вряд ли рядом есть хоть одна живая душа, кроме этих душегубов. Да и момент подходящий нужно выбрать, а то меня прикончат сразу.

«Соображай, Варя!» — я тихо лежала, а в голове проносились роем мысли. За два года уже привыкла к чужому имени. Теперь я не блондинка Валерия Гаева из двадцать первого века, а юная рыжеволосая барышня из девятнадцатого столетия.

В памяти всплыл момент из прошлой жизни, как я шла по вечерней Москве, любуясь цветными огнями. Не так давно отгремел Новый год. А у меня рот до ушей — я наконец-то стала старшим продавцом-консультантом в элитном парфюмерном магазине. Мечтала о том, как сниму квартиру поближе к работе и забуду, что такое общежитие. Но судьба распорядилась иначе. Был жуткий гололед, я переходила по зебре дорогу, и в этот момент раздался скрип тормозов. Грузовик нёсся прямо на меня, и огромные колёса подмяли под себя моё хрупкое тело.

Помню резкую боль, темноту и холод, а потом яркий свет, прямо как в кино, от него стало так хорошо и спокойно. И я очнулась в холодной пустой комнате под белой простыней. Жуткий кашель вырвался из моей груди. Истошный женский крик «Барышня жива!» навёл шороху в больнице, где лежала умирающая Варвара Бахметева.

Первое время я пребывала в шоке, не понимая, как очутилась в прошлом, в одна тысяча восемьсот восемьдесят девятом году, в теле будущей выпускницы Московского Мариинского

училища. Не найдя объяснения, решила, что высшие силы дали мне второй шанс, который я точно не упущу.

— Ну всё, Антип, готовься, — снова раздался басовитый голос. — Река сейчас повернёт, там и омут хороший будет. Столько людей в нём утопло, — он злорадно захохотал.

Ну уж нет! Я не собираюсь снова умирать! А если третьего шанса не будет? Зубами вырву право на жизнь! Я чуть приоткрыла веки и увидела перед собой сгорбленную спину бандита. Значит, второй сидел дальше и греб вёслами. Гадство! Правая стопа начала неметь от неудобной позы.

Я напряглась, готовая вот-вот выскочить из лодки, как чёртик из табакерки.

— Гляди-ка, карета стоит на берегу, — ахнул бандюган, который сидел ко мне спиной. Он приподнялся, качнув лодку. — Вот же нечистый его сюда занёс! — с досадой проговорил он. — Вон, барин в одних портках к воде идёт. Не иначе как купаться собрался.

— Сядь, Демид, — шикнул на него поделщик. — Придётся дальше плыть. Нам свидетель ни к чему.

Что? Кто-то на берегу? Это же мой шанс на спасение! Сейчас или никогда! Сердце бешено забилося в груди, разгоняя адреналин по венам. Я ощутила прилив сил. Упёрлась ногами в дно лодки, руки схватили борт. Тетива решимости натянулась до упора, и я стрелой выскочила из лодки, плюхнувшись в реку не глядя.

— Стой! — опомнились бандиты.

Длинное платье тут же намокло и потянуло меня вниз. Я еле вынырнула и что есть мочи заорала:

— Помогите! Спасите! — и снова ушла под воду. Ноги запутались в длинном подоле. Я барахталась изо всех сил. Стоило чуть глотнуть воздуха, как меня снова затягивало в омут. Лёгкие жгло от воды, которой я успела нахлебаться. Силы таяли со скоростью света. Неужели смерть снова меня догнала?

Глава 2. Странная барышня

Александр

Карета тряслась по дороге всего второй час, а я уже проклинал себя за то, что вчера уехал в Лыткарино. Нужно было срочно встретиться с Савелием Куликиным, моим другом и компаньоном, обговорить заказ крупной партии мыла от перхоти, а он, как назло, уехал в деревню на именины младшей сестры. Скрепя сердце мне пришлось купить подарок девице и поехать в Лыткарино. Сава приглашал меня ещё неделю назад, но я отказался, сославшись на срочные дела.

Жутко не хотелось встречаться с Василисой, зная, что она опять будет строить мне глазки и болтать всякие глупости. Некоторым юным особам вообще не стоит открывать рот. Я еле пережил широкое застолье — в семье Куликиных по-другому праздники они не отмечают. Выдержал натиск родственников Савелия, которые снова расхваливали девицу на выданье, открыто намекая, что желают видеть меня женихом. Я вёл себя сдержанно, не давая ложных надежд Василисе, и не притронулся к наливке, дабы не наговорить чего лишнего. Ежели решу снова жениться, то только не на ней.

Пришлось заночевать у Куликиных, и вот теперь возвращаюсь в Москву под палящим солнцем. Больше я ни ногой в Лыткарино!

Обливаясь потом, я сидел в карете и мечтал окунуться в прохладные воды Москвы-реки, а заметив серебристые блики, приказал кучеру съехать с дороги. Наконец-то освежусь. Как только лошади остановились, я поспешил выйти из экипажа. Берег тут пологий, самое то для купания. Пока я раздевался, обратил внимание на плывущую лодку. Два крестьянина не спеша гребли по течению, наверное на рыбалку отправились. Хорошо, что я кальсоны не успел снять; решил подождать, когда мужики отплывут подальше.

Вдруг из лодки, как чёрт из табакерки, выскочила девица и бросилась в воду, чуть лодку не опрокинула. Рыбаки сначала растерялись, потом полетела отборная брань.

— Помогите! Спасите! — донёсся отчаянный крик. Вот глупая, зачем в реку кинулась?

К моему удивлению, мужики не стали вылавливать свою спутницу, а принялись быстро грести дальше по течению. Что происходит? Они её бросили?

Где же эта девица? Что-то долго она находится под водой.

— Святые угодники! — рявкнул я, заметив рыжую макушку и бьющие по воде руки, и бросился в реку. — Она же утонет!

Быстро доплыл до того места, где недавно мельтешили руки утопающей, задержал дыхание и нырнул. Пришлось несколько раз погружаться, пока я не увидел в мутной воде тёмный силуэт. Схватив утопленницу под мышку, оттолкнулся от дна и всплыл на поверхность. Она уже потеряла сознание, нахлебавшись воды. Я торопился как мог и вытащил её на берег, заросший травой.

Паники у меня не было, я знал, что делать: перевернул утонувшую и положил животом к себе на колени, принялся активно стучать ладонью по хрупкой спине, выбивая воду из лёгких. Мне повезло, девушка начала кашлять, приходя в себя.

— Слава тебе, господи, — облегчённо вздохнул я, уложив спасённую на траву, когда вся вода вышла из неё. — Как вас зовут, сударыня?

На меня с изумлением смотрели большие голубые глаза, и я только сейчас понял, что девушка одета не как крестьянка. На ней было розовое платье с вышивкой, правда, немного старомодного покроя.

— Вар-ва-ра, — зашевелились дрожащие синюшные губы. Девушка судорожно смахнула с щеки прилипшую прядь рыжих волос и присела, опираясь на руки.

— Варвара, зачем вы бросились в реку, если не умеете плавать? — возмущённо спросил я странную барышню. — И почему те крестьяне не стали спасать вас, а спешно уплыли на лодке?

Девушка опасливо посмотрела в сторону реки, её острый подбородок затрясся, и она начала рыдать, закрыв лицо ладонями. Что я такого сказал?

— Сударыня, успокойтесь, — я растерялся, не понимая, что делать. Никогда не умел утешать женщин, а тут началась настоящая истерика. Барышня рыдала, дрожа то ли от холода, то ли от потрясения, что чуть не умерла.

Я не смог придумать ничего лучшего, как подхватить Варвару на руки и отнести в карету. Раз спас девушку, придётся доставить её домой и сдать на руки родителям. Она прижалась ко мне, ухватившись за шею. Несмотря на то, что на ней было мокрое платье, Варвара оказалась довольно лёгкой ношей.

— Ну и денёк, — пробормотал я себе под нос. — А ведь хотел только искупаться.

Глава 3. Спаситель

Варвара

У меня началась истерика. Я смотрела на мужчину, а слёзы душили меня. Рыдала так, будто моя жизнь действительно закончилась. Даже когда оказалась в сильных руках, не могла остановиться и прижалась к обнажённой груди спасителя, сотрясаясь от рыданий. Моя соломинка оказалась довольно-таки внушительного роста и крепкой комплекции. От мужчины приятно пахло полыньё и кедром, словно он только что вышел из тайги. Я уткнулась носом в его мокрую шею, вдыхая этот успокаивающий знакомый аромат. Кажется, мы уже встречались. Или нет?

— Где вы живёте, сударыня? — раздался голос у меня над ухом.

— В Москве, — с трудом произнесла я, чувствуя, что наконец-то эмоции утихают, — на Тверской.

Мужчина осторожно отпустил меня на землю.

— Барин, что же это делается-то?! — бородатый мужик в кафтане вертелся рядом с нами, держа в руках мужскую одежду. — Чуть ведь не утопла девица-то!

— Кузьма, успокойся и лучше помоги мне одеться, — отдал приказ мой спаситель и посмотрел на меня. — Садитесь в карету, Варвара. Отвезу вас домой.

— Что? Не хочу домой! — от ужаса ахнула я и принялась снова плакать.

— Прошу вас, садитесь в карету, — с нажимом произнёс мужчина.

Я прямо в мокром платье плюхнулась на мягкое сиденье и, закрыв лицо ладонями, продолжала тихо реветь. Что будет, когда я вернусь домой целой и невредимой, не оправдав надежд Щедриной? Та, наверное, уже ручки потирает и радуется, что избавилась от меня. А вот не доставлю ей такого удовольствия!

Придя в себя, я перестала реветь и только судорожно вздыхала, соображая, что делать дальше. Утром я была в конторе адвоката. Он прямым текстом мне заявил, что, если я не хочу ждать целый год, чтобы вступить в права наследования, мне нужно выйти замуж. Тогда моё наследство в качестве приданого перейдёт под ответственность мужа. А там как судьба ляжет: стерпится-слюбится или развод, после которого имущество покойного графа Бахметева станет моим в полном объёме.

Ждать следующего мая я не могла, Щедрина меня к этому времени точно со свету сживёт. Уходя из конторы, я приняла твёрдое решение в ближайшее время выйти замуж. Приданое у меня приличное. Желаящие заключить фиктивный брак с урождённой графиней точно найдутся. А в подворотне меня уже ждали. Удар по голове, и вот я теперь сижу я в карете незнакомца. Хотя стоп! Почему незнакомца?

— Успокоились? — в карету сел мой спаситель, уже одетый, только мокрые тёмные волосы напоминали о том, что недавно мужчина нырял в реку, доставая меня из омута.

— Спасибо, — прошептала я, смотря во все глаза на него. Вот теперь я его точно узнала! — Александр Митрофанович.

— Простите. Мы разве знакомы? — мужчина нахмурился, разглядывая моё лицо. Карета тронулась с места, покачиваясь на рессорах под стук копыт.

— Год назад, выпускной в Мариинском училище. Вы были среди гостей. Помните?

— Действительно, я был там, — мужчина удивлённо приподнял брови. — Погодите, вы та самая воспитанница, с которой я танцевал полонез?

— Да, это я, Варвара Михайловна Бахметева, — кивнула я, и на моих губах растянулась глуповатая улыбка.

В тот день на балу Островский заметил мою фигурку в белом платье возле колонны. Я хотела спрятаться от назойливого рыжего курсанта, которого навязывала мне наставница, но

гость словно почувствовал, что мне нужна помощь. Вот и сейчас он спас меня. Может, это судьба?

— Удивительно, — усмехнулся мужчина. — Как вы оказались в лодке тех двоих? И почему они не стали вас спасать?

— Потому что они хотели меня убить, — я невольно сжала кулачки. — Подстерегли в переулке и усыпили хлороформом, чтобы утопить в реке. Вот только я очнулась раньше времени.

— Как так? Убить? — Островский недоуменно смотрел на меня. — За что?

— За деньги. Моя тётя наняла их, чтобы избавиться от меня, — процедила я, чувствуя злость. — Это уже не первая её попытка прибрать к рукам наследство моего отца.

— Родная тётя? Ничего не понимаю, — он покачал головой.

— Щедрина знает, что через год я вступлю в права наследования и перекрою ей доступ к деньгам, — я охотно делилась с собеседником тем, что так тревожило меня вот уже год с тех пор, как вернулась домой из училища. — А пока она управляет моим имуществом.

— Вы в полицию обращались?

— Конечно, но всё без толку. Любовник Алевтины оказался участковым приставом, все мои заявления он отклонил за неимением доказательств. Выставил меня вздорной непослушной девицей, которая не ценит заботы родной тётушки, — мне так хотелось поделиться с Островским. Вдруг он снова сумеет помочь мне.

— Ну и ситуация у вас, Варвара Михайловна, — покачал головой мужчина, задумавшись. — Говорите, это уже не первая попытка избавиться от вас?

— Да. Зимой она пыталась меня отравить, но влила в суп малую дозу яда, боясь, что я почувствую горечь и не стану есть. Только благодаря этому я осталась жива, промучившись несколько часов судорогами в мышцах, — я поморщилась, вспомнив эти неприятные ощущения. — С тех пор я с опаской сажусь с Щедриной за один стол. И стараюсь не есть блюда при малейших подозрениях на яд.

— На вашу тётушку нет никакой управы? Нужно что-то с этим делать. Я попробую подключить свои связи...

— Бесполезно, Александр Митрофанович, — вздохнула я. — Щедрина хитрая, не оставляет никаких улик и доказательств. А вчера она мне прямо в лицо заявила, что до следующей весны я не доживу. И сегодня утром меня поймали бандиты.

— Вам нужно найти другого опекуна, — Островский выдал вполне здравую мысль, но вряд ли суд лишит Алевтину права распоряжаться моим имуществом.

— Или мужа, — добавила я второй вариант.

— Да, верно. Вы можете выйти замуж, и тогда ваша проблема будет решена, — охотно согласился Островский.

Я пригляделась к мужчине: молодой, хорош собой. Помнится, девочки на выпускном шептались, что Островский вдовец, выходец из помещичьей семьи, владеет аптекой. И тут меня озарила идея!

— Александр Митрофанович, а женитесь на мне! — выпалила я на одном дыхании.

— Вы в своём уме, Варвара Михайловна? — Островский недоуменно вскинул брови. — Я вытащил вас из реки, но я не обязан на вас жениться.

— Подумайте, это выгодное предложение, — и я начала перечислять преимущества, загибая пальцы. — Во-первых, у меня немалое наследство в виде трехэтажного доходного дома почти в центре Москвы и родового имения с обширными полями. Во-вторых, я дочь графа Бахметева, брак со мной облагородит ваш род.

Мои губы растянулись в игривой улыбке.

— Вы единственная наследница? Выходит, если у нас родится сын, он может унаследовать титул графа? — серьёзно задумался мужчина, разглядывая моё мокрое платье в области декольте.

Такого вопроса я не ожидала и невинно захлопала ресницами. Похоже, именно титул больше всего заинтересовал Островского. И как ему намекнуть, что я имела в виду исключительно фиктивный брак?

Глава 4. Торг

Александр

Смотрю на девицу и думаю — шутить изволит. Кто ж в здравом уме будет предлагать такое первому встречному?

— Вы единственная наследница? Выходит, если у нас родится сын, он может унаследовать титул графа? — любопытно, как далеко она готова зайти, предлагая мне жениться. Взгляд скользнул по стройной фигурке. Однозначно не мой типаж, но глаза у барышни красивые.

— Не уверена, что это возможно... — она потупила взор, кусая губы. — С этим, боюсь, будут проблемы... бумажная волокита, прочие препоны... И вообще, я не имела в виду самый настоящий брак.

— А какой тогда? — недоумевал я, не понимая, чего она хочет от меня.

— Фиктивный, на взаимовыгодных условиях, — голубые глаза смотрели на меня с таким нажимом, что у меня ком в горле встал.

— Вы уже и условия продумали.

— Всё очень просто. Вы мне обеспечиваете защиту, я вам отдаю своё имущество в полное распоряжение на то время, пока мы женаты. К тому же, как я говорила ранее, моё благородное происхождение несомненно даст вам преимущества.

— Какие, например? — я еле сдержал усмешку.

— Вас будут приглашать в лучшие дома Москвы. Это поможет наладить деловые связи, — взволнованно протараторила она.

— Я и так частый гость, как вы выразились, в лучших домах, — меня поражали её наивность и непосредственность.

— Не забывайте, у меня приличное приданое, — строго напомнила она.

— Доходный дом на Тверской? — спросил и задумался. Давно пора расширять производство. У меня большие планы на парфюмерию, неплохо бы открыть лавку и ещё одну аптеку. Только это требует немалых вложений, а я никак инвесторов не найду.

— Да, именно. Большое трёхэтажное здание. Построено почти двадцать лет назад, капитального ремонта не требует, — воодушевилась Варвара, расписывая преимущества своего наследства. — На первом этаже сдаются в аренду помещения: кондитерская, фотоателье, лавка канцелярских принадлежностей...

— Благодарю, — перебил я девицу. — Лучше увидеть собственными глазами. Вы ведь там же живёте?

— Да, на втором этаже, где меблированные комнаты. Большая часть из них тоже сдаётся в аренду.

— Замечательно, — машинально кивнул я, а в голове рисовались картины моей будущей лаборатории и парфюмерной лавки.

Кое-какие сбережения у меня есть, этого хватит на оборудование и сырьё, а там, глядишь, инвесторы найдутся, как увидят, что дело моё прибыльное. Вот только брак в мои планы никак не вписывается.

— Вы согласны? — звонкий голос вывел меня из задумчивости.

— Жениться на вас? — душа уже вопила категоричное нет, но расчётливый разум продолжал обдумывать выгодное предложение. — Венчание — это навсегда. Вы готовы связать свою жизнь с малознакомым человеком?

— Почему сразу навсегда? — насупилась она. — Церковь, конечно, не жалуёт разводы. Однако Духовный суд работает исправно и в год расторгает не один брак.

— То есть вы подразумеваете в будущем развод. Правильно вас понимаю? — я уцепился за фразу, которая пришлась мне по душе.

— Именно. Пару-тройку лет совместной жизни, а потом разведемся по своим дорожкам, — закивала она.

— А имущество как будем делить? Вы согласны отдать мне доходный дом?

— Александр Митрофанович, вы ещё не женились на мне, а уже думаете о разделе совместно нажитого добра, — справедливо возмутилась она. — Составим брачный договор, где всё распишем по пунктам. Имущество моего отца останется при мне в любом случае. Если на то пошло, готова уступить вам доходный дом за приемлемую цену. А совместно нажитое разделим пополам.

— Вы уже и торгуетесь, Варвара Михайловна, — усмехнулся я. Меня удивляли её напор и решительность. Хотя, с другой стороны, девицу можно понять. Когда есть шанс оказаться на погосте в столь юном возрасте, будешь хвататься за любую возможность выжить.

— Пока едем, обдумайте хорошенько моё предложение, сударь, — гордо вскинула она подбородок. — Возможно, второго шанса у вас не будет. Я готова выйти замуж хоть завтра, лишь бы поскорее избавиться от Щедриной. Вы не единственный претендент на роль моего мужа.

Ну да, толпа, наверное, пороги обивает — я чуть не рассмеялся, но удержался.

— Сначала я взгляну на ваше заманчивое приданое, а потом скажу, согласен я или нет взять вас в жёны. Кота в мешке мне не надобно.

— Ладно.

Карету тряхнуло на кочке, девица подпрыгнула и впечаталась в меня, испуганно ойкнув. Я обхватил её за плечи, чтобы она не упала, и наши взгляды встретились. Какие у неё красивые глаза, как два аквамарина, чистые, живые.

— Простите, — Варвара отпрянула от меня, вернувшись на место.

— Ничего, — с трудом ответил я.

До Москвы ехали почти час, практически в полном молчании. Из головы не выходило предложение отчаянной девицы, по-другому её не назовёшь. В принципе, мне терять нечего, только свободу, но и это будет временно. К тому же брак практически не изменит мой уклад жизни. Варвара всё же права, когда говорит о том, что брак с урождённой графиней придаст мне веса в обществе и среди деловых людей.

За окошком уже мелькали дома Тверской, и мне не терпелось воочию увидеть доходный дом.

— Это здесь! — Варвара высунулась в открытое окно кареты. — Стой!

Кучер, услышав приказ, натянул поводья, и пара гнедых остановилась.

— Ну как вам, Александр Митрофанович, моё приданое? — обернулась девица, с гордостью посмотрев на меня.

Я открыл дверцу и вышел из экипажа. Передо мной стояло белокаменное здание в три этажа, с высокими арочными окнами на первом. Вывески, витрины...

— Идёмте знакомиться с вашей тётушкой, Варвара Михайловна, — я понял, что от такого приданого глупо отказываться. — Я согласен.

Глава 5.1 Возвращение

Варя

— Не-не, только не сейчас, — шикнула я на Островского, который уже рот разинул на пирог-приданое. Высунулась из кареты, схватила мужчину за фрак и потянула обратно в экипаж.

— Аккуратнее, Варвара Михайловна! — возмутился он, но всё же сопротивляться не стал. Вернулся в карету, сев на место, и закрыл дверцу. — Что не так? Я дал согласие. Теперь следует попросить вашей руки как положено.

— Рада, что вы приняли верное решение, Александр Митрофанович, но нельзя сейчас знакомить вас с Щедриной, — покачала я головой. Какой он несообразительный, всё правилам следует. — Если тётка узнает, что я собралась замуж, собственными руками меня ночью придушит и не побрезгует.

— Как-то я не подумал об этом, — мужчина потёр подбородок. — Не тайно же нам венчаться.

— Прекрасная идея. Почему нет? — обрадовалась я.

— Не годится, — покачал он головой. — Порядочные девушки не выходят тайком замуж.

Ну вот начинается. Опять эти светские правила, которые раздражают меня своей архаичностью. Даже одной из дома выйти нельзя. Правда, меня это не останавливало.

— Не забывайте, нам нужно ещё составить брачный договор, — вернулась я к насущным проблемам.

— Не переживайте. Это я возьму на себя. Завтра сможете подойти в полдень в нотариальную контору? Неподалеку отсюда, на пересечении Тверской с Нарышкинским сквером.

— Да, смогу, наверное, — кивнула я неуверенно. — Постараюсь прийти.

— Хорошо. Значит, венчаться будем в следующую пятницу. Я договорюсь со священником, приглашу поручителей и пару близких людей. Придётся подождать несколько дней, Варвара Михайловна, — он заметил мой недовольно сморщенный нос. — К тому же я хочу сначала познакомить вас с сыном. Надеюсь, вы поладите.

Совсем забыла, что мой жених не только вдовец, но ещё и отец. Зато радует, что Островский как мужчина взял все хлопоты на себя.

— Не переживайте, дети меня обожают, — выдавила я улыбку. Не говорить же ему, что на самом деле я не умею находить общий язык с маленькими капризными созданиями. — Сколько ему лет?

— Осенью Григорию исполнится шесть.

— Чудесный возраст, — произнесла я, а сама подумала, что у мальчика наверняка есть няня или гувернантка и мне не придётся заниматься его воспитанием. От этой мысли мне стало легче.

— Рад, что вы ладите с детьми, Варвара Михайловна. Значит, завтра после нотариальной конторы мы поедем знакомиться с Гришей, — мужчина посмотрел в окно. — Думаю, вам пора. У меня сегодня ещё дел невпроворот.

— Благодарю за помощь, Александр Митрофанович, — я потянулась к дверце, но новоиспечённый жених опередил меня и помог мне выйти из кареты.

— До завтра, Варвара Михайловна, — кивнул он.

— Надеюсь, вы не передумаете, — прищурилась я, смотря на Островского.

— Я не бросаю слов на ветер, сударыня, — ухмыльнулся он. — Главное, сами не передумайте.

Взглянув ещё раз на своего спасителя, я развернулась и поспешила к парадному входу.

— Варвара Михайловна, — пожилой швейцар в ливрее открыл передо мной дверь, удивлённо разглядывая меня

— Благодарю, Степан, — я поспешила в холл.

Проходя мимо большого зеркала, остановилась, уставившись на своё отражение. Ну и вид у меня! Пучок волос сбился набок, пряди волос вылезли из причёски. Платье почти высохло, но ткань измялась и приобрела желтоватый оттенок. Чучело огородное!

Вздыхнув, я пошла к лестнице. Интересно, чем тётушка занята? Наверное, уже отмечает мою кончину, открыв бутылку игристого.

Я поднялась на второй этаж, где располагались хозяйские апартаменты, и уверенно толкнула входную дверь, войдя в просторную прихожую. Из кухни аппетитно пахло наваристым щами. Видимо, кухарка Зина сварила на обед, а сейчас мыла посуду, гремя тарелками в ушате.

Услышав скверное пение, сразу поняла, что Щедрина успела наклюкаться игристого. Празднует, гадина. Ну ничего, устрой ей счастливую встречу. Я тихо прокралась к гостиной, откуда доносился противный голос Алевтины, и осторожно открыла дверь.

Тётушка восседала в кресле, развалив свои габаритные тела, и горланила похабный романс про куртизанку, держа в руке полупустой бокал.

— Что празднуем, Алевтина Эдуардовна? — я вошла в комнату.

Щедрина замерла с открытым ртом, смотря на меня так, будто привидение увидела.

Глава 5.2 Возвращение

Варя

— Ва-ря... — сдавленно выдала она, — ты... ты... как... Ты где была? — однако тётушка быстро пришла в себя, убрав бокал на столик. — Ушла утром — и с концами. Я с ног сбилася, разыскивая тебя!

— Вы хотели сказать, и концы в воду? — я поставила руки в бока, хмыкнув. — На пикнике была с друзьями. Антип и Демид пригласили на лодке покататься. Хорошие ребята, я вам скажу, заботливые. Не стали меня связывать, хотели, чтобы как можно натуральнее утопленницей смотрелась.

— Да что ты такое несёшь?! — взвизгнула она, хрюкнув.

— А потом я сама в реку прыгнула, искупаться хотела, и чуть действительно не утонула. Да вот барин, проезжавший мимо, увидел меня и на помощь пришёл. Вовек не забуду спасителя своего, — и я театрально поклонилась в пояс. — До дома довёз живую и невредимую.

— Выбралась всё-таки, — злобно процедила Щедрина себе под нос, но я услышала.

— Бог не Тимошка, видит немножко, — я сложила руки у груди в молебном жесте. — Так что не рассчитывайте, Алевтина Эдуардовна, легко избавиться от меня.

— Вон пошла, — огрызнулась она, — и чтобы до вечера не показывалась.

В коридоре хлопнула входная дверь, послышался шум, и знакомый голос прозвенел на всю квартиру. Неужели Зойка вернулась из Ялты?

— Маман! Я приехала! — в комнату ввалилась Алевтина номер два, только моложе лет на двадцать. Увидев меня, Зойка встала как вкопанная и уставилась на меня. Только огромные страусиные перья покачивались на её шляпе.

— А эта что тут делает, маман? — яростно прошипела кузина, указав на меня пальцем.

— Зоюшка, доченька, — засуетилась матушка, подскочив с кресла. Её немного качнуло в сторону, но тётка удержалась на ватных ногах. — Как хорошо, что ты вернулась!

Да уж, ничего хорошего. Кузина каждую осень отбывала в Крым поправлять здоровье. У неё была астма. Врачи советовали ей на зиму уезжать на южное морское побережье, что Зойка с удовольствием и делала. Пока я училась в Мариинке, Щедрина с дочерью посещали Ялту. В этом сезоне Зойка отправилась к морю в сопровождении компаньонки и горничной. И вот вернулась в Москву.

— Маман, вы мне обещали, что, когда я вернусь, Варьки уже не будет, — скривила губы рыжая копия своей матери. А я обалдела от её наглости.

— Зоюшка, не переживай, я всё улажу, — покосилась на меня тётушка. — Скоро станешь завидной невестой.

Да они совсем обнаглели! Даже не стесняются! Зойка младше меня всего на год, а уже мечтает поскорее выскочить замуж за богатого дворянина. Да только без приданого на этого розового пончика ещё никто не позарился.

— Да, Зоя, не переживай, — я хлопнула кузину по плечу, — найдём тебе жениха! Тут недавно граф Спорыхин заезжал, тобою интересовался. Чую, ждёт тебя осенью предложение руки и сердца от вдовца.

— Спорыхин? Фу-у-у! Он же старый! — скривилась она. — Он с маман одного возраста. А ещё у него изо рта ужасно пахнет.

— Зоюшка, на моё наследство не рассчитывай. Поняла, змея подколотная? — произнесла я спокойным тоном.

— Маман! — истерично взвизгнула она, отпрыгнув от меня. — Чтобы через неделю её духа тут не было! Иначе я за себя не ручаюсь!

Зойка выскочила из гостиной, хлопнув дверью, и яростный топот каблуков раздался по паркету в коридоре.

— Ты что творишь, безбожница? — накинулась на меня с кулаками Щедрина. Я успела увернуться от нетрезвой родственницы и тоже сиганула в коридор. Насколько тяжела рука у Алевтины, я уже знаю. И лучше не попадаться под неё. Зашибёт точно.

Влетев в свою каморку, которую мне выделила тётушка в конце коридора, я захлопнула дверь, накинув крючок на петлю. Навалилась на дверь, подперев её, и перевела дух. Щедрина за мной, конечно, не погонится, но мне лучше не выходить до утра. Зойка вернулась, и теперь мне придётся быть вдвойне осторожнее. Главное — улизнуть завтра пораньше из дома, пока родственницы отсыпаться будут.

Только бы Островский не передумал жениться.

Глава 6. Григорий

Александр

Вот же авантюристка!

Я ехал в карете и недоумевал, каким образом оказался женихом.

Эта барышня разожгла во мне забытый с юности огонёк безрассудства. Именно тогда я решил создать мыло от перхоти, которое пользуется популярностью. Вот и сейчас не помешает вспомнить юношеские амбиции, чтобы добиться успеха на поприще парфюмерии. Подвинуть Брокера и Ралле на рынке будет нелегко, но я верю в успех своего дела.

Сначала я отправился домой, чтобы надеть чистую рубашу и привести себя в порядок. Вечером в ресторации Аксёнова состоится шикарный ужин в кругу деловых людей. Фёдор обещал выступление цыган для развлечения гостей. Сытное застолье с заводными танцами и песнями располагает к налаживанию деловых связей. Я непременно должен быть там.

Стоило переступить порог дома, как я заметил саквояжи в углу.

— Что происходит? — обратился я к вышедшей навстречу гувернантке.

— Александр Митрофанович, я так больше не могу. Увольте меня! — выпалила женщина в строгом сером платье.

— Что случилось, Анфиса Николаевна? — хотя уже догадываюсь. — Что Гриша опять натворил?

— Это просто невыносимый ребёнок! Он неуправляем! — с жаром выпалила гувернантка. — Вчера распорол подушку, чтобы использовать перья для самодельных крыльев. С крыши собрался прыгать. Весь второй этаж в этих перьях!

— Что? — выдохнул я. — Этого ещё не хватало. Он же расшибётся.

— Вот и я ему об этом толкую. Тогда он решил кота сначала спустить. Еле спасла несчастное животное, — жаловалась она. — Слово божие Григорий слушать не желает, учить цифры и буквы тоже. То чернила прольёт на азбуку, то бумагу в комочки превращает и кидается. Выпороть бы его хорошенько, чтобы слушался, а вы его всё жалеете.

— Ни в коем случае! — резко прервал я речь женщины. — Это не решит проблему. Пройдёмте в мой кабинет, я рассчитаю вас.

Не хватало ещё, чтобы я сына бил. Помню, как отец розгами меня воспитывал, ничего хорошего в этом нет. Появился только страх перед родителем, боялся лишнего слова ему сказать и абсолютно никакого доверия не чувствовал к нему. Григорий и так растёт без материнской любви, если я его бить начну, то окончательно потеряю сына.

Рассчитался с гувернанткой, распорядился, чтобы кучер загрузил её вещи в карету и отвёз женщину на постоянный двор.

Пора с сыном поговорить. На втором этаже было подозрительно тихо. Опять что-то творит мой непоседа. Поднялся на второй этаж, постучал в дверь и вошёл. Григорий сидел на ковре, раскладывая длинные веточки на полу. Рядом лежал тюль, похоже из гостиной, и распоротая подушка. Белые перья валялись по всей комнате.

— Папа! — увидев меня, сын радостно бросился ко мне на шею. — Вы где были?

— По делам уезжал, — обняв отпрыска, я отпустил его и строго спросил: — Скажи на милость, зачем тебе крылья?

— Летать, — он понуро опустил голову. — Анфиска-крыска доложила?

— Григорий, нельзя так говорить о женщине. Ты опять остался без гувернантки. Это уже третья за год, — отчитывал я отпрыска. — Кто теперь будет за тобой присматривать?

— Я уже большой, за мной не нужно присматривать, — надул он щёки.

— Большой, а глупости творишь как маленький, — вздохнул я, сложив руки на груди. — Ты эту идею с крыльями брось. Не дай бог, расшибёшься.

— Я сам не полечу. Пусть сначала Мурзик попробует.

— А кота тебе не жалко? Он, между прочим, любимец Прасковьи. Ежели что случится с ним, кухарка тебя не простит и баловать ватрушками перестанет.

— Я больше так не буду, честно, — он ещё ниже опустил голову.

— Убери за собой. Через час зайду проверю.

— Есть убрать, — пробубнил он. — А когда мы на рыбалку пойдём? Вы обещали, папа.

— Прости. Сейчас много дел навалилось, — вздохнул я, чувствуя себя виноватым. — Завтра у нас будут гости. Будь добр, води себя как воспитанный дворянин.

— Угу, — шмыгнул он носом.

— Наводи порядок, — я положил руку на его плечо, слегка сжав. Затем вышел из комнаты.

Тяжело Грише без матери, я тоже не всегда дома. Опять придётся искать новую гувернантку. Никто не может найти подход к моему сыну. Любая шалость — и бегут жаловаться, просят хорошей порки для проказника.

Остаться бы дома, уделить сыну время. На рыбалку обещал его свозить, да никак не выходит. А ещё жениться собрался. Как Гриша воспримет появление мачехи в доме? Страшно представить. Надеюсь, Варвара поладит с ним.

Я переоделся в чистое бельё, сменил костюм. Утром некогда было бриться, придётся ехать в таком виде в ресторанцию. Через час заглянул в детскую. Григорий прибрался и сидел за столом, листая азбуку. Значит, чувствует, что был не прав. Я попрощался с сыном, предупредив, что вернусь поздно, и отправился на Петербургское шоссе.

Карета остановилась возле помпезного здания ресторанции, откуда доносилась музыка с цыганскими мотивами. Кажется, веселье уже началось на летней веранде. Туда я и направился, предвкушая возможность не только пообщаться с деловыми людьми Москвы, но и полюбоваться знойными цыганками.

Глава 7. Пари

Александр

— Александр Митрофанович! Рад видеть дорогого гостя! — сегодня Аксёнов лично встречал каждого клиента. Лысая голова его блестела, как начищенный самовар. — Ваши друзья ждут вас.

Он указал на сервированный стол под навесом, где собрались знакомые и незнакомые мне люди. Луи Сиуре я узнал сразу. С ним у меня отличные отношения, несмотря на то, что мы конкуренты. Черноволосый, красивый — его никогда не обделяли вниманием женщины. Вот и сейчас он сидел меж двух юных прелестниц. Удивляюсь, как его жена терпит подобные застолья. Наверняка Эжени просто не в курсе.

Цыганки пели весёлую песню и, лихо размахивая цветастыми юбками, кружились на деревянной сцене, стоявшей посередине двора. Проходя мимо них, я немного задержался, разглядывая смуглых красавиц. Так и хотелось пуститься в пляс вместе с ними, но меня ждали друзья.

— Добрый вечер, господа, — я подошёл к столу, склонив голову.

— Mon cher ami¹! — Луи поднялся, протянув мне руку. — Рад, что ты здесь, — он хорошо говорил по-русски, прожив большую часть своей жизни в России, но, как все французы, картавил.

— Луи, я тоже тебе рад. Вижу, сегодня ты не один, — и кивнул на его спутниц.

— Знакомся, mon ami, — он сначала указал на блондинку в голубом платье и потом на знойную брюнетку в красном. — Лили и Мими — будущие примы Большого театра. Des beautés. Vraiment²? — шепнул мне на ухо. — Le protégé d'Orange³.

— Дамы, приятно познакомиться, — я расцеловал их изящные ручки. Сразу видно — балерины.

Владельца ресторана все звали Апельсином из-за его лысой блестящей головы и тучного тела. Он часто помогал начинающим балеринам, актрисам, певицам и прочим прелестницам, пребывающим в поисках богатых спонсоров. Сегодня это были Лили и Мими — естественно, имена ненастоящие, но кого это волновало.

— Messieurs! Прошу любить и жаловать — Александр Митрофанович Островский, — Луи привлёк ко мне внимание присутствующих. — Химик-провизор. Вы наверняка слышали о его мыле от перхоти. C'est un talent⁴!

Луи начал представлять мне каждого за столом. Некоторые пришли с любовницами, нисколько не стесняясь этого факта. Жён на подобные встречи не приглашают. Последнего гостя, почти моего ровесника, Луи представил с особой гордостью.

— Mon ami, я знаю, ты давно хотел познакомиться с этим человеком. Савва Тимофеевич Холодов — он указал на крепкого молодого мужчину с небольшой бородкой.

— Рад познакомиться, — я протянул руку, и Холодов пожал ее.

— Наслышан о вас, Александр Митрофанович, — добрая улыбка озарила его лицо. — Говорят, вы талант. Мне как раз не хватает хороших специалистов. Недавно приобрёл старый завод на Урале, хочу перестроить его под производство химических реактивов для своих мануфактур. Ищу теперь главного инженера.

¹ Mon cher ami — Мой дорогой друг (фр.)

² Des beautés. Vraiment? — Красотки. Правда? (фр.)

³ Le protégé d'Orange — протеже Апельсина (фр.)

⁴ C'est un talent — Он талант (фр.)

— Польщён, Савва Тимофеевич, — я несколько удивился, что Холодов обо мне наслышан и даже намекает на хорошую должность на его предприятии. Я сел на свободный стул рядом с ним. — Сожалею, но у меня не менее грандиозные планы в Москве. Хочу подвинуть самого отца Сиуре на рынке.

— Mon ami, ты слишком самоуверен, — хохотнул Луи. — Тебе далеко до нашей фабрики.

— Конечно, ведь я не собираюсь торговать бисквитами и конфетами, — усмехнулся я. — Haute parfumerie⁵ — вот чем я займусь в ближайшее время.

Луи рассмеялся ещё громче, привлекая к себе внимание других посетителей ресторана.

— Алекс, это безумие, — выдал он сквозь смех. — Кроме «Сиуре и Ко» тебе придётся подвинуть на рынке Брокера и Ралле. Haute parfumerie тебе не по зубам, mon ami. Ты не родился en France.

— Зато я родился в России, Луи, — меня корбило его высокомерие, но я снисходительно улыбнулся. — И я докажу, что русские могут создавать о-де-колоны⁶ не хуже французов и даже лучше, — я посмотрел на Холодова. — Вот пример перед тобой, Луи. Ткани Саввы Тимофеевича раскупают не только в России, но и в Европе.

— Совершенно согласен с вами, Александр Митрофанович, — закивал мануфактурщик. — Наша продукция была удостоена серебряной медали на Парижской выставке. Неважно, где ты родился. Успех любого предприятия заключается в том, чтобы любить своё дело и отдавать ему все силы и таланты.

— Алекс, ещё скажи, что ты готов представить в следующем году свой парфюм на Парижской выставке, — откровенно насмеялся надо мной француз.

— Луи, хитрец, как ты узнал? — я перевёл его фразу в шутку, но, похоже, друг воспринял всё всерьёз.

— Je propose un pari⁷, — прищурился француз. — Если твой парфюм удостоится на выставке гран-при, то я открыто признаю своё поражение и отдам тебе свой магазин в пассаже Солодовникова. Согласен?

— А если я проиграю? — его предложение очень заманчиво. Но что я поставлю на кон?

— Ты забудешь дорогу в мир haute parfumerie и отдашь мне свою аптекарскую лавку, — самоуверенная ухмылка не сходила с его наглого лица. Так хотелось утереть ему нос и показать, чего я стою.

— По рукам! — и я протянул ладонь. — Савва Тимофеевич, вы свидетель.

— С превеликим удовольствием буду наблюдать за вашим спором, Александр Митрофанович, — ответил Холодов.

— La victoire sera mienne⁸, — Луи пожал мне руку, сунув папиросу в зубы.

— Посмотрим, Луи, посмотрим. Не говори «Гоп!», пока не перепрыгнешь.

— Готов оказать помощь, если понадобится, — подмигнул мне Холодов. — Покажем этим любителям лягушек, что русские не лыком шиты.

— Благодарю, Савва Тимофеевич, — я улыбнулся, удивлённо посмотрев на собеседника. Давно хотел познакомиться с Холодовым и заполучить его в инвесторы. Надеюсь, он не откажется от своих слов.

⁵ Haute parfumerie — высокая парфюмерия (фр.)

⁶ Автор использует старое написание этого слова от фр. «eau de Cologne».

⁷ Je propose un pari — Предлагаю пари (фр.)

⁸ La victoire sera mienne — Победа будет моей (фр.)

— Оставим дела, mes amis⁹! Давайте веселиться! — Луи поднял бокал и осушил его залпом. Цыганские юбки привлекли его внимание, и он вышел из-за стола, направляясь к танцовщицам.

До выставки в Париже осталось меньше года. Успею ли я к тому моменту наладить производство? И самое главное — создать о-де-колон, которым будут пользоваться не только в России, но и в Европе? Работа предстоит непростая, но я всё сделаю, чтобы выиграть пари!

⁹ mes amis — мои друзья (фр.)

Глава 8. Знакомство

Варя

С трудом я подвинула тяжёлый комод, поставив его перед дверью. Вытерев пот со лба, облегчённо вздохнула — хоть ночь проведу без страха за свою жизнь. Кто знает, что взбредёт в голову моим родственникам.

Ночь прошла спокойно благодаря моим усилиям. Не знаю, была ли попытка проникновения в мою каморку или нет, но проснулась утром я живой и невредимой. Быстро привела себя в порядок — разлёживаться некогда, в полдень я встречаюсь с Островским у нотариуса. Но из дома нужно улизнуть сейчас, пока обе Щедрины спят.

С таким же трудом я отодвинула комод от двери. Надеюсь, никого не разбудила, слегка пошумев. Бросила взгляд в коридор — ни души. Держа в руках туфли, на цыпочках прошла в прихожую. На кухне Зина уже гремела посудой, готовя завтрак на плите-печке. Я заглянула в клозет, справила нужду и вымыла руки, затем прошла на кухню. Уходить голодной как-то не хочется, я со вчерашнего утра ничего не ела, боясь выйти из комнаты и попасть под тяжёлую руку Алевтины.

Кухарка налила мне чай и поставила на стол тарелку с горячими оладьями. Правда, варенья не дала, так как хозяйка строго-настрого запретила мне есть запасы сладостей, которые они с дочкой уплетали каждый день, запивая чаем. Обойдусь и без варенья, мне не привыкать.

Поблагодарив Зину, я поспешила в прихожую. Только сунула ногу в правую туфлю, как раздался грозный рык:

— Варя, ты куда это собралась? А?

Я скорее натянула вторую туфлю, наблюдая за тем, как Алевтина тучей надвигается на меня. Проснулась всё-таки.

— Мне по делам нужно! — бросила я фразу и кинулась к двери.

— Какие ещё дела?! А ну стой, неблагодарная! — завопила Щедрина, припустив за мной, но я успела распахнуть дверь и выскочить на лестничную площадку. — Опять одна! Позор на мою голову! — неслось мне вслед. — Возьми Зою с собой...

Ага! Сейчас! Только Зойки в компаньонки мне не хватало! Я в два счёта сбежала по лестнице, поздоровалась со швейцаром и бойко пошла по Тверской, думая, как убить три часа.

Я прошлась по магазинам, разглядывая всевозможные товары. Пооблизывалась в кондитерской, наслаждаясь ароматами ванили и корицы. В канцелярском меня встретил запах бумаги и краски, а в галантерее — замши. Как же я соскучилась по различным ароматам. Два года живу без своего любимого хобби, сочетая только в своём воображении компоненты эфирных масел, особенно когда не могу уснуть.

Моя страсть — парфюмерия, которой я увлеклась, когда устроилась в элитный магазин. Погрузившись в мир ароматов, я начала вникать в тонкости составов, изучала историю создания знаменитых духов и биографии парфюмеров. Потом решила в домашних условиях попробовать сотворить свой аромат, неповторимый и уникальный. На это ушло немало времени, но всё же результат меня порадовал.

Однажды на работе, когда я консультировала молодого мужчину, который хотел приобрести парфюм в подарок для своей девушки, он спросил меня, какой маркой пользуюсь я сама, так как ему очень понравился аромат на мне. Я, конечно, сказала правду, что это моя авторская разработка, и покупатель уговорил меня продать ему флакон моих духов. Так я познакомилась с Марком, моим бойфрендом, который оказался обычным козлом. Через три месяца я узнала, что со своей девушкой он так и не порвал, встречаясь с нами обеими одновременно.

С тех пор в моих женских грёзах я создаю такой аромат, от которого все мужики будут падать к моим ногам сами. Мечты мечтами, но я действительно соскучилась по своему хобби.

К двадцати пяти годам я собрала собственную коллекцию духов, но всё теперь осталось в прошлом, точнее в будущем. В общем, в другом времени или мире.

Вот заполучу наследство и открою парфюмерную лавку, где буду продавать ароматы собственного авторства. Я улыбнулась сама себе в отражении очередной витрины и вдруг заметила за стеклом часы различных форм и размеров. Все они показывали одно время — без пяти минут двенадцать.

Я что было духу припустила в сторону Нарышкинского сквера. Только бы не опоздать!

Увидев вдалеке зеленый сквер, я и вовсе пустилась в бег, придерживая рукой соломенную шляпку — последнюю оставшуюся у меня. Вчера бандиты, пока тащили меня в лодку, где-то потеряли мою лучшую шляпку с лентами и цветами, которую я надела для визита в адвокатскую контору.

Запахавшись, я свернула за угол дома и тут же налетела на мужчину, впечатавшись в него. Знакомый аромат кедра и полыни ударил в нос.

— Варвара Михайловна? За вами бандиты гонятся? — Островский, схватив меня за плечи, тут же задвинул за свою спину, опасливо смотря на дорогу.

— Нет, — часто дышала я, успокаивая сердцебиение. Видимо, мой жених сам только что прибыл к назначенному месту. — Я... просто боялась... опоздать. Здравствуйте, Александр Митрофанович.

— Слава богу, — вздохнул он, повернувшись ко мне, и изучающе посмотрел на моё лицо. — Выглядите вы сегодня прекрасно, сударыня.

Ещё бы, вчера я предстала перед Островским не в самом лучшем виде после того, как он выловил меня из мутной воды.

— Прошу, Варвара Михайловна, — мужчина указал на дверь с неприметной вывеской нотариальной конторы.

На обсуждение брачного договора ушло чуть больше получаса. Седовласый нотариус в солидном костюме с бабочкой внимательно выслушал мои требования, зафиксировав их в блокноте. Переписал с моих слов всё имущество, что должно было перейти после венчания в распоряжение моего будущего мужа. Обещал найти сведения обо всех недвижимых объектах в реестре и составить договор как положено. Бумаги на подпись будут готовы уже после венчания, так как на это уйдёт время. Ничего, главное, выйти замуж и вытурить Щедриных из дома. Или пусть платят мне ренту за апартаменты, в которых сейчас живут. Но что-то мне подсказывает, что вдовьей пенсии в четыре рубля Щедриной точно не хватит на роскошную жизнь в Москве.

Выйдя из конторы с лёгким сердцем, я вздохнула, ощущая запах зелени, доносившийся с ветром из сквера.

— Теперь дело за малым — обвенчаться в церкви, — Островский надел шляпу и широко улыбнулся мне.

Однако он милый и приятный мужчина, когда вот так на его лице светится беззаботная улыбка.

— Варвара Михайловна, приглашаю вас отобедать в моём доме. Заодно познакомлю вас со своим сыном, — и он указал на карету, стоявшую на обочине.

— С превеликим удовольствием, Александр Митрофанович, — я предвкушала сытный обед, где точно никто не попытается подлить мне яда в еду.

Я подхватила жениха под руку, и мы направились к экипажу.

До места добрались быстро. В тихом районе среди зелёных садов и богатых особняков стоял белый двухэтажный дом моего жениха, более скромной архитектуры, чем соседские.

— Прошу, Варвара Михайловна, будьте как дома, — мужчина открыл передо мной дверь, и мы оказались в холле.

Дворецкого у Островского не было, нас встретила горничная лет сорока, которая приняла шляпку из моих рук, убрав её в гардеробную.

Только я огляделась, как на лестнице послышался топот детских ног. Черноволосый мальчишка показался на ступенях и сбавил скорость, степенно спускаясь по ступеням. Всё его внимание было приковано ко мне, и я тоже во все глаза смотрела на своего будущего пасынка.

— Григорий, подойди ближе, — в голосе Островского послышалась строгая нежность. — Хочу познакомить тебя с Варварой Михайловной Бахметевой.

Мальчишка остановился в нескольких шагах от меня и оценивающе прищурился.

— Bonjour, mademoiselle, — кивнул он мне и удивлённо взглянул на отца. — Новая гувернантка? — в его глазах появился огонёк озорства, от которого мне стало не по себе.

— Нет, Григорий. Варвара Михайловна скоро станет моей супругой, а тебе, выходит... мачехой, — с опаской произнёс Александр.

Я натянуто улыбнулась, смотря на этого милого ребёнка, который вдруг злобно поджал губы, зыркнув на меня исподлобья, и сжал кулаки.

— Мне не нужна мачеха! — яростно выкрикнул он, развернулся и поскакал вверх по лестнице, откуда только что пришёл.

Ох, чую, непросто мне с ним будет поладить.

Глава 9. Лаборатория

Варя

— Кто же такое говорит ребёнку в лоб?! — Я покачала головой, смотря с укором на жениха. — Разве можно так?

— Честно говоря, не ожидал, что Григорий поведёт себя подобным образом, — он растерянно почесал затылок. — Сын, наверное, сказок наслушался от гувернантки про злых мачех. Ничего, успокоится и привыкнет к вам со временем.

— Поднимитесь и поговорите с сыном. И сделать это лучше сейчас. Григорию нужны в первую очередь вы, а не какая-то там мачеха, совершенно незнакомая женщина..

— Как же я оставлю вас одну? Вы моя гостья.

Вот ведь твердолобый!

— Идите, говорю. Я пока в гостиной побуду, дом ваш посмотрю. Можно? Мы ведь здесь будем жить после венчания? — сложив руки на груди, я оценивающе осмотрела холл. А ничего так особнячок, не роскошный, конечно, но интерьер создан со вкусом. Интересно, что в других комнатах?

— Хорошо. Я скоро вернусь, и мы пообедаем. Гостиная там, — мужчина махнул в сторону двери и поспешил к лестнице.

Островский исчез на втором этаже, а я вошла в гостиную. Большие окна с полупрозрачным тюлем, диванчики, чайный столик, вазы со срезанными флоксами, чей аромат наполнял комнату. Всё стоит на своём месте, ничего лишнего. А мне тут нравится, даже менять ничего не хочется.

Прошлась по комнате, выглянула в окно, — за ним виднелся небольшой ухоженный сад. Села на диван, не зная, чем занять себя. Пришла горничная и спросила, подать ли чаю. Я отказалась, так как не хотела портить себе аппетит перед обедом. Вернётся Островский, тогда и поем.

По-моему, жених не запрещал мне осматривать дом. Вот и пройдуся по комнатам. На первом этаже коридоров не было. Все помещения соединялись друг с другом смежными дверями. Из гостиной я вышла в библиотеку. Эта комната по площади была даже больше, чем гостиная, но её заставили высокими шкапами и стеллажами, на которых хранились всевозможные книги. Я прошла по полочкам, прочитав названия на корешках: книги по химии, фармацевтике и анатомии соседствовали с философией и художественной литературой. Сразу видно, что Александр человек разносторонний.

Из библиотеки вышла в курительную комнату, где сразу ощутила впитавшийся запах табачного дыма. Вроде не замечала, что от самого Островского пахнет папиросами, наверное, гости курят. Задерживаться там я не стала и вышла в ещё одну гостиную, более просторную, чем первая. Даже пианино стояло в углу. Одна дверь вела в холл, а вторая в столовую, где служанки накрывали на стол. Они мило улыбнулись мне, поприветствовав, и скрылись за первой дверью. Значит, там по логике должен быть буфет, а далее кухня. Мне туда точно не нужно.

Я открыла вторую дверь и оказалась в небольшой галерее с портретами. Наверное, это предки Островского. Бегло осмотрев изображения, на некоторых узнала самого хозяина особняка, причём даже в детском возрасте. Он был очень милым ребёнком, прямо настоящий амурчик розовощёкий.

Из галереи я вышла в следующую комнату. Похоже, здесь рабочий кабинет Островского. Большой стол завален кучей бумаг и книг — в общем, творческий беспорядок. На стеллажах книги стояли вперемешку с папками и колбами, пустыми или наполненными. Я ощутила едва уловимые ароматы, которые витали тут: цитрусовые, хвойные, пряные и цветочные. Кажется, эта смесь тянулась из другой открытой двери.

Шагнув в проём, я замерла, открыв рот. Вау! Святая святых моего будущего мужа! Это же настоящая лаборатория. Столы и стеллажи заполняли пробирки, баночки, бутылочки, колбы, пустые и с непонятными цветными жидкостями. Штативы, пинцеты, пипетки, стеклянные шприцы — всевозможные инструменты. Помещение располагалось на углу дома. Окна везде были открыты, проветривая лабораторию, но запах эфирных масел всё равно ощущался в воздухе.

На одном из столиков я заметила разбросанные блоттеры — тонкие полоски бумаги, исписанные странными символами с одного конца. Неужели Александр занимается парфюмерией? Аккуратно взяв одну из полосок, я поднесла её к носу и понюхала край без надписей. Ноздри наполнила пряно-цветочная смесь, щекоча мои рецепторы. Так себе сочетание — не в моём вкусе.

Затем я обратила внимание на закрытый шкаф. Интересно, что там. Открыв дверцу, я застыла в изумлении. В нос ударили десятки насыщенных запахов. Флаконы из тёмного стекла заполняли полки. На каждой бутылёчке была приклеена этикетка с названием на латыни. Взяв первый попавшийся, я вынула пробку и едва вдохнула аромат.

— Лаванда, — узнала я запах эфирного масла. Закрыла бутылёк и поставила его на место.

На верхней полке моё внимание привлекли стеклянные сосуды побольше. На приклеенных бумажках от руки были написаны по-русски слова «Виолѣтъ», «Идѣаль», «Наполѣонъ».

— Что это? Неужели духи? — любопытство толкало меня взять в руки хоть один пузырёк и проверить его содержимое.

Что я и сделала, достав сосуд под названием «Виолѣтъ». Вынув пробку, сразу поняла, что оказалась права, — это уже готовый парфюм.

— Так-так, — я подошла к столику, где в стакане стояли чистые блоттеры и пипетки. Капнула на бумажную полоску капельку духов и слегка помахала ей, дав спирту выветриться. А потом на расстоянии принялась к аромату.

— Хм-м-м... Бергамот, — распознала я в начальных нотах цитрусовый запах, — и, конечно, фиалка, судя по названию. Но для меня слишком насыщенно и терпко. — Я сморщила нос.

Видимо, Островский не пожалел ладана в качестве фиксатора.

— Хотя кому-то, возможно, такой состав понравится. Например, какой-нибудь бабушке-дворянке, — рассуждала я вслух, усмехнувшись.

— Значит, вам не нравится, — раздался знакомый голос в дверях лаборатории. — Не думал, что у вас такой любопытный нос, Варвара Михайловна.

— Ой! Простите... Я не хотела... — прикусила язычок, обернувшись.

Островский вошёл в лабораторию, и его взгляд не предвещал ничего хорошего для меня. Я быстренько закрыла флакон с духами и подбежала к шкафу, чтобы вернуть его на место.

— Нет уж, погодите. Раз вы начали критиковать мой парфюм, может, скажете, что вам конкретно не понравилось? — Островский оказался возле шкафа, заслонив полки. Его глаза так требовательно смотрели на меня, что у меня сердце ухнуло вниз.

— Ладно, — пожала я плечами. Хочет правду? Пожалуйста! — Вы переборщили с ладаном, сделав аромат тяжёлым и терпким. Я не стала бы использовать ладан в сочетании с фиалкой. Выбрала бы гвоздику или добавила немного мускуса, чтобы придать пудровые оттенки аромату.

— Вы разбираетесь в парфюмерии? — брови мужчины поползли вверх.

— Есть немного, — неопределённо пожала я плечами. — К тому же я юная барышня и не хочу, чтобы от меня пахло, как от пожилой матроны, повидавшей немало на своём веку. Поэтому ваши духи «Виолет» не произвели на меня впечатления, господин Островский, но вам, как мужчине, простительна подобная оплошность.

— В каком смысле? — он недоуменно взглянул на меня.

— Вы ориентируетесь на свои вкусы. И по всей видимости, вам нравятся насыщенные пряные ароматы.

Он хмыкнул, изогнув бровь. Мои слова попали в точку.

— Обычно мужчины покупают парфюм своим жёнам и дамам сердца, так сказать, — он взял из моих рук флакон и поставил его на полку. — Разве только содержанки сами покупают себе духи. Поэтому я ориентируюсь на рынок, Варвара Михайловна.

— Хотите сказать, мужчина главный и ему решать, какой аромат будет носить его дама, — язвительно произнесла я, сложив руки на груди. — А если женщине совершенно не нравится это одеяние и тянущийся за ним шлейф?

— Почему бы тогда ей не сказать супругу, чтобы выбирал другой парфюм. Не нравится фиалка? Может, подойдёт роза или жасмин.

— Думаете, каждая женщина осмелится сказать своему мужу или жениху, что тот ошибся с ароматом? Вряд ли. Некоторые мужчины слишком обидчивы и высокого мнения о себе любимом, — продолжала я гнуть свою линию. — Я за то, чтобы женщины сами выбирали для себя парфюм, ориентируясь исключительно на собственный вкус. Просто нужно дать им эту возможность выбора, предоставив широкий ассортимент.

— Общество не поймёт, — хмыкнул он и закрыл шкаф. — Не вам решать, что покупать женщинам. И вообще, нам пора обедать. Стол давно накрыт.

— Вы поговорили с сыном? — я направилась к выходу.

— Да. Как мужчина с женщиной, — гордо заявил Островский, и эта фраза меня напрягла.

— Надеюсь, без рукоприкладства, — обернулась я, посмотрев на него.

— Откуда подобные мысли?! Я никогда не бил сына, — справедливо возмутился он. — Вообще не приемлю насильственные методы в воспитании.

— Это радует, — улыбнулась я. Хотя в чём-то мы с ним солидарны. Интересно, он прислушается к моему мнению или оставит «Виолет» без изменений?

Глава 10. Обед

Александр

Спокойно поговорив с сыном, я смог убедить его спуститься в столовую и показать хорошие манеры перед гостьей. Но оказавшись в гостиной, не обнаружил Варвару в комнате. И в столовой её тоже не наблюдалось. Где же она? Оставив Григория за столом и наказав ему дожидаться меня, пошёл на поиски гостьи. Наверное, разглядывает портреты в галерее.

Нашёл я барышню в лаборатории. Только ступил за порог, как услышал пренебрежительное фи в адрес парфюма, над которым я провёл целый месяц, ища нужные пропорции состава. А ей, видите ли, не нравится.

То, что Варвара разбирается в парфюмерии, стало для меня полной неожиданностью. Признаться, её замечание по поводу «Виолет» сильно уязвило моё самолюбие. Не нравится ей! Много ли она понимает в рыночном спросе. Ещё не хватало того, чтобы будущая супруга совала свой любопытный нос в мои дела!

Войдя в столовую, я облегчённо перевёл дух. Григорий сидел на стуле, покорно дожидаясь начала обеда.

— Прошу, Варвара Михайловна, — я отодвинул стул для гостьи, и девица с улыбкой на лице села за стол. — Всем приятного аппетита.

Я занял привычное место во главе стола. Взглянул на девушку, на сына — прямо как полноценная семья. Может, правда они поладят. И тут мне пришла идея.

— Варвара Михайловна, до нашего с вами венчания ещё четыре дня. Что-то мне тревожно за вас. Может, вам переехать сразу сюда? Скажете тётушке, что я нанял вас в качестве гувернантки. Когда обвенчаемся, сообщите ей «радостную» весть.

— Переехать? — она удивлённо посмотрела на меня. — Это разумное предложение.

— Завтра утром я подъеду к вашему дому и заберу вас вместе с вещами, — как мне сразу не пришла в голову эта мысль. Так Варвара будет в безопасности до венчания.

— Благодарю, Александр Митрофанович, за заботу, — она улыбнулась, взяв в руки ложку.

Горничная, стоявшая рядом с гостьей, подняла крышку над её тарелкой, убрав на поднос. Только Варвара взглянула на тарелку с супом, как её глаза от ужаса расширились:

— А-а-а! — она с визгом подскочила, уронив стул, и в ужасе тыкала ложкой в сторону тарелки. — Там паук! Паук!

— Что? Не может быть, — я поднялся и заглянул в соседнюю тарелку.

И правда, в наваристом бульоне плавалдохлый паук, обычный такой, коих на чердаке водилось немало.

— Евдокия, как это понимать? — обратился я к горничной.

— Барин, пощадите, — побледневшими губами проговорила прислуга. — Не было мизгиря, когда я крышкой накрывала тарелку! Богом клянусь! Я не знаю, откуда он там взялся.

Женщина поджала губы, растерянно посмотрев на куполообразную крышку на подносе.

— Простите, Александр Митрофанович, за мою бурную реакцию, — выдохнула Варвара, положив ладонь на грудь в области сердца. — Просто я жуть как боюсь этих пауков.

Зря она это сказала при Грише, он ведь запомнит. Я взглянул на сына — хитрющий взгляд, еле сдерживаемая ухмылка на губах. Вот ведь сорванец!

— Евдокия, принеси другую тарелку, а это убери, — указал я на суп. Горничная тут же выполнила моё указание и унесла блюдо сдохлым пауком.

— Григорий, не хочешь извиниться перед Варварой Михайловной? — я с прищуром посмотрел на сына. Создается или нет?

— За что? — округлил он глаза, сделав самое невинное выражение лица. — Я ничего не сделал, паук сам в суп залез.

На воре и шапка горит. Выдал себя с головой.

— Не стоит, Александр Митрофанович, обвинять сына, — беззаботно улыбнулась гостья. — Думаю, паук сам залез внутрь крышки, а потом свалился в тарелку.

Девушка смотрела на меня с мольбой не трогать сейчас Григория. За руку его никто не ловил, может, не стоит давить на сына при будущей жене, вдруг он только ещё сильнее озлобится против мачехи? Однако всё же поговорю с ним позже без свидетелей.

— Вы правы, Варвара Михайловна, — я строго взглянул на сорванца. — Эка невидаль — паук в супе. Евдокия другую тарелку сейчас принесёт. А вот и она.

В столовую вошла прислуга, неся на подносе новую порцию супа, на этот раз без пауков и прочих гадов.

Обед продолжился. Я поглядывал на сына, на его довольное лицо и понимал, что одни пауком тут не обойдётся. Сегодня я его простил, но в следующий раз спуску не дам.

Варвара с удовольствием принималась за каждое новое блюдо, с аппетитом уплетая еду. Вот ведь бедолага. Меланья, конечно, вкусно готовит, но видно, что барышня дома лишний раз боится ложку ко рту поднести, оттого и тощая такая, кожа да кости. Да и платье на ней старомодное, раз десять, наверное, перешитое: видно наставленные по подолу оборки и полоски ткани на талии.

Обед закончился, и я вызвался довезти невесту до дома. Варвара, конечно, не отказалась. Вряд ли у неё есть деньги на извозчика, а пешком до Тверской путь неблизкий.

Уже сидя в карете, я решился поговорить с будущей супругой о насущном.

— Варвара Михайловна, завтра, как только я перевезу ваши вещи в дом, мы с вами посетим модистку.

— Зачем это? — девица удивлённо взглянула на меня.

— Не догадываетесь? Нужно подобрать вам платье для венчания.

— Белое? С фатой? — она затаила дыхание, а голубые глаза засияли надеждой.

— Конечно белое. Вы же невеста самая настоящая, урождённая графиня, — вам положено по статусу, — улыбнулся я. — Фату тоже купим и туфли. Как без этого?

— Спасибо, — восторженно вздохнула она, закусив губу.

Оказывается, очень приятно осуществлять мечты барышень о белом свадебном платье, даже с учётом того, что я жених. Пусть «долго и счастливо» это не про наш брак, но девушке точно хочется идти к алтарю в красивом подвенечном платье. Заодно гардероб её обновим. В воскресенье меня пригласили на званый ужин к графине Облонской. Вот и представлю высшему свету свою жену из титулованного дворянского рода.

Карета остановилась на углу доходного дома, где живёт Варвара, чтобы тётушка случайно не заметила её в окно. Мы пожелали друг другу удачного дня и расстались на этом до утра. На обратном пути я заехал в редакцию газеты и подал объявление о поиске гувернантки. Женитьба женитьбой, а насущные дела нельзя откладывать.

Уже по пути домой, я вспомнил слова невесты о парфюме «Виолет». Её колкие фразы не давали мне покоя. Может, правда лучше заменить ладан на гвоздику? Или добавить мускус?

Стоило только войти в дом, как я, забыв обо всём на свете, кинулся в лабораторию. Снял фрак, бросив его в кабинете на стул, быстро натянул белый халат, достав из шкафа, и вошёл в свой храм науки.

Глава 11. Побег

Варя

Я тихо подкралась к двери и аккуратно открыла ее, так, чтобы родственницы не услышали моего возвращения. Стоило только войти, как из гостиной выплыла старшая Щедрина, уперев руки в крутые бока. И опять нетрезвая.

— Явилась? Где шаталась одна столько времени? — процедила она. — Это же позор на мою голову.

— Вы, Алевтина Эдуардовна, сами прекрасно себя позорите, — фыркнула я, снимая шляпку. — Вечер ещё не начался, а вы уже на грудь приняли.

— Поговори ещё у меня, шалава подзаборная! — рывкнула родственница. — Где таскалась? В дом терпимости пора тебя отправить, хоть польза какая будет.

— Вы же сами мне работать не даёте, — поджала я губы, готовясь к словесной атаке. — Распустили про меня слухи, что я конфликтная и безответственная.

— Скажешь, неправда? Вечно перечишь мне, грубишь. Проучить бы тебя хорошенько! — Алевтина осторожно наступала, сжав кулаки, да только вес ей не позволит сделать быстрый манёвр. — Признавайся, чего удумала?

— Ничего! — я рванула в сторону и, проскочив между тёткой и стеной, припустила по коридору в свою каморку. Алевтина чуть не загребла меня своими ручищами, но я вывернулась.

Забежав в комнату, рывком закрыла дверь и прижалась к ней спиной. Сердце громыhalo в груди, отдавая пульсом в висках. В коридоре послышался приближающийся топот, за спиной раздались удары.

— Открывай! — вопила Щедрина за дверью. — Я покажу тебе, как старших уважать!

— Идите, Алевтина Эдуардовна, сначала проспитеcь, а потом требуйте задушевных разговоров, — я сильнее подпёрла дверь спиной. Крючок хлипкий, боюсь, не выдержит натиска тучной женщины.

Вдруг раздался скрежет в замочной скважине, и механизм пришёл в действие, закрыв дверь. Что? Не может быть! Она закрыла меня на ключ?

— Что вы делаете? — ахнула я и развернулась к двери. Сняла крючок, дёрнула за ручку и поняла, что меня действительно заперли. — Вы же говорили, что ключи давно потеряны!

— Мало ли что я говорила, — раздался пьяный хохот по ту сторону. — А вот нашлись ключики-то. Посидишь тут одна недельку на хлебе и воде, может, одумаешься. Утром горничная придёт за ночной вазой.

— Ну что, маменька? Закрыли эту мымру? — Зойка чуть от радости не запищала. И эта пришла поглумиться.

— Закрыла. Пуцай посидит, ума наберётся. Чую, задумала Варька что-то. Прошка видел, как она давече в контору адвоката ходила.

— К адвокату? — ахнула Зойка.

— Не бойся, доченька, ничего Варька не сделает нам, но запереть её не помешает. — За дверь раздалась тяжёлая поступь. Щедрины утопали в гостиную мне косточки перемывать.

Вот же гадина! Значит, сына дворника подговорила за мной следить, а я его даже не замечала. Надеюсь, Прошка не успел сегодня меня подловить. Эх, продался парнишка за медяк.

Я рванула к окну и с трудом открыла раму. Второй этаж, неудачно упаду — ноги переломаю. Утром Островский приедет за мной. Как же я выберусь из дома? Мы договаривались, что, когда я выйду к нему, он сообщит Алевтине при свидетелях, что он мой работодатель и забирает к себе в дом, дабы тётушка не вздумала подать на меня в розыск.

Окно выходит во двор, жених меня точно не увидит и даже не узнает, что Щедрина заперла меня в комнате. Придётся сделать верёвку из простыней. Ели что, такое представление устрою и весь двор на уши подниму. Пусть только попытается меня остановить. Вот выйду замуж, попляшет у меня Алевтина вместе с дочуркой своей.

Теперь нужно подумать, что взять с собой в дом жениха. Много я с собой не унесу, только один узел. Большого и не нужно. В пятницу венчание, вернусь и выгоню родственниц в имение. Пусть там грядки полют да пороссячьи корыта чистят, если хотят жить. Нужно будет ключницу и управляющего предупредить, чтобы не позволяли им хозяйничать.

От этих мыслей сразу полегчало, и я принялась перебирать свои вещи. Сменное бельё, сорочки, пара нормальных платьев — вполне достаточно на первое время. После венчания заберу остальное. Свернув пожитки в узел, я выдохнула и села на кровать. Теперь осталось продержаться до утра.

Ко мне так никто и не пришёл, кухарка даже воды не принесла. Хотелось пить, и я несколько раз стучала в дверь, требуя дать воды. Только один раз подошла горничная и извиняющимся тоном шепнула, что ключ у хозяйки и велено не подходить к моим дверям.

Устав биться, я вернулась на кровать. Всю ночь прокрутилась в постели — волнение давало о себе знать, да к тому же на пустой желудок спится плохо. Чуть только небо начало светлеть, я провалилась в сон.

Открыв глаза, я подскочила, понимая, что проспала. Солнце уже встало, время почти восемь, а то и больше. Значит, через час Островский будет ждать меня возле дома. Выглянув в окно, я не увидела, как обычно, дворника. Есть шанс незаметно улизнуть.

Я заторопилась к зеркалу в углу, чтобы привести себя в приличный вид. Нужно одеться и сделать канат из простыней. Вчера я боялась рвать ткань, вдруг Щедрина решит меня навестить. Да и спать на голом старом матрасе не хотелось.

Найдя ножницы в столике, я стащила бельё с кровати, надрезала ткань и принялась рвать её на части, связывая спасительный канат. Хорошо, кровать стоит недалеко от окна, я сразу привязала за ножу один конец простыни. Пришлось пустить в ход ещё и пододеяльник. Проверила каждый узел на прочность, потянув. Вроде держатся хорошо. Спустив связанный канат в открытое окно, я посмотрела вниз. Первый этаж был самым высоким в доме. До земли ткань не доставала где-то метра полтора. Отлично! Можно лезть.

Я схватила котомку с вещами и выкинула её в окно на траву. Приземлилась она удачно. Надеюсь, мне тоже повезёт.

— Варя, ты что там удумала? — за дверью раздался тревожный голос родственницы, и за ним заскрежетал замок от поворотов ключом.

Вот же принесла её нелёгкая! Я залезла на стул, а с него вскочила на подоконник. Дверь распахнулась, и в комнату ввалились обе Щедрины, лохматые и сонные, в ночных сорочках до самых пят.

— Куда собралась? А ну стой! — рявкнула Алевтина, кинувшись к окну.

Была не была! Я схватилась за канат из простыней и спрыгнула вниз.

— Стой! Расшибёшься! — грозный рык полетел мне вслед. Или это было пожелание?

Канат натянулся под моим небольшим весом, но удержал, правда, я больно ударилась плечом о стену. Руки намертво вцепились в ткань и не хотели её отпускать. Юбка мешала ногам нормально обхватить канат, и они постоянно соскальзывали вниз. Эх, джинсы бы!

— Варвара! Не чуди! — раздавалось гневное над моей головой.

Я посмотрела наверх — оказывается, не больше метра разделяло меня от Щедриной.

— Маман, я сейчас простынь отвяжу! — радостно вещал Зойкин голос из окна. — Пушай летит птичка наша.

Срочно спускаться! Руки с трудом двигались, перехватывая ткань. Сердце билось о рёбра так, что вот-вот выскочит.

— Зоя, давай быстрее! Она сейчас уже слезет! — подбадривала маман своё сокровище. Я заторопилась от страха, что сейчас канат ослабнет и полит вниз вместе со мной.
— Готово!
— Ма-ма! — только успела я вскрикнуть, прежде чем руки потеряли опору.

Глава 12. Спасение

Александр

Карета остановилась возле дома на Тверской. Я прибыл вовремя, всё, как договаривался с Варварой. Она должна была вот-вот появиться с вещами. Я вышел на мостовую и взглянул на дом. Интересно, куда выходят окна комнаты моей невесты? Вдруг юркий мальчишка проскочил мимо меня и кинулся ко входу, но его успел задержать швейцар.

— Куды летишь? — мужчина перегородил путь сорванцу.

— К барыне! Варвара из окна сигануть собирается! — выпалил на одном дыхании паренёк и проскочил под рукой швейцара в подъезд.

Уж не о моей ли невесте шла речь? Проверять не было времени, я поспешил обойти дом и скоро оказался во дворе. Сердце пропустило удар, когда я увидел в открытом окне Варвару и свисающие связанные тряпки. Что она задумала? Неужто правда прыгать собралась? Чужое недоброе, я кинулся вперёд, не спуская глаз с девицы.

Варя ухватилась за тряпки и бросилась вниз. Вот же отчаянная! Я чуть не упал, запнувшись о что-то. Послышались крики, и тучная рыжеволосая женщина выглянула в окно.

— Варвара! Не чуди! — грозились, по всей видимости, родственница моей невесты, болтающейся сейчас на свисающей из окна тряпке.

Я торопился как мог, боясь, что девица упадёт и покалечится. Щедрина что-то прокричала, повернувшись в комнату. Мне оставалась пара шагов, как вдруг...

— Готово!

— Мама!

Прямо на меня летела Варвара. Я выставил руки и поймал девушку, не успев понять, что произошло. Мы оба упали на землю — точнее я, а Варвара оказалась лежащей на мне. Руки сами обхватили девичий стан, крепко держа её. Мы смотрели друг на друга, приходя в себя. Какие у неё всё же красивые глаза. Носа коснулся едва уловимый аромат сочного персика и мяты, исходящий от пряди рыжих волос, которая щекотала мою щеку.

— Александр Митрофанович, это вы? — девушка едва дышала, смотря на меня.

— Как видите, я, Варвара Михайловна. Не могла бы вы с меня слезть. Неудобно как-то на земле лежать, — скривился я, ощутив боль в лопатках. Всё же приземление не было столь мягким.

— Отпустите меня, и я встану, — поёрзала она, слегка дёрнувшись. Ах, точно — я убрал руки с её спины.

— Варвара! Это ещё кто? — завопил противный женский голос.

Девушка шустро подскочила и подняла голову к окну.

— Знакомьтесь, Алевтина Эдуардовна! Островский Александр Митрофанович — мой работодатель. Я переезжаю к нему в дом, чтобы присматривать за его сыном, — гордо заявила Варвара, пока я поднимался на ноги и отряхивал упавшую шляпу.

— Что?! Как это переезжаешь? А ну стой! Я не позволю! — грозила кулаком Щедрина.

— Варька, чего удумала? Быстро домой! — в оконном проёме рядом с женщиной появилась точная её копия. Наверное, дочь.

— Ну уж нет! Дудки! — моя невеста приставила к носу большой палец и подразнилась по-детски. — Я уезжаю! Живите как хотите, только без меня! Имею полное право работать, где хочу!

— Проща, зови городского! Племянницу мою обесчестить собираются! — заорала Щедрина тому самому мальчонке, который бежал к ней недавно, чтобы сообщить о побеге племянницы. Парнишка кивнул и сиганул на улицу.

Во дворе становилосьлюдно. Кто-то высунулся из окна, услышав шум, кто-то вышел во двор и стал невольным свидетелем разыгравшегося представления.

— Простите, сударыня, вы ошибаетесь. Я человек чести, и даже в мыслях не было позорить вашу племянницу, — сказал истинную правду. — Мне действительно нужна гувернантка для моего пятилетнего сына.

— Ничего не хочу знать! Я не позволю! — орала женщина на весь двор. — Варька, быстро домой!

— Уважаемая, — еле произнёс это неподходящее слово, — полный двор свидетелей вас не смущает? Почему ваша племянница опасным образом покинула дом? Вы её заперли против воли? Городовой будет кстати. Пусть зафиксирует нарушение.

— Что?! Да как вы смеете? — лицо у Щедриной пошло красными пятнами. Она опасливо посмотрела в сторону выхода на улицу.

— Маман, может, правда отпустить Варьку? — дочка женщины неуверенно кивнула в сторону кухни. — Пушай едет к этому франту. Хоть глаза мозолить не будет. Уедет, и поделом, мы за неё больше не в ответе.

Щедрина прищурилась, посмотрев на дочь. В её глазах загорелась подленькая идея.

— А пушай уматывает! Ежели что случится, я не виноватая! — злорадная ухмылка растянулась на её губах.

Раздался свисток — по двору важной и быстрой походкой вышагивал городской в белом кителе с контр-погонами, на боку у него в ножнах болталась длинная пашка, которую горожане называли «селёдкой». Он важно подкрутил пышные усы, остановившись под окном.

— Прапорщик Иванков прибыл на вызов. Что у вас тут случилось? — суровый взгляд почему-то направил сразу на меня.

— Простите, господин городской, неувязочка вышла, — залебезила Щедрина, высунувшись ещё больше из окна. — Мы уже разобрались во всём. Ваших услуг не требуется.

— Я вам мальчик на побегушках, что ли? — покачал он головой, разворачиваясь в сторону выхода.

— Погодите, господин Иванков, — я шагнул к городскому, тронув его за плечо. — Прошу вас, будьте свидетелем. Вот барышня Варвара Михайловна Бахметева, двадцати лет от роду, — я указал на девушку, — устраивается ко мне в дом гувернанткой, чтобы сына моего воспитывать. А вот эта сударыня, Щедрина Алевтина, — я ткнул пальцем вверх, — тётушка девицы, не выпускает её из дома. Варваре пришлось лезть в окно и рисковать жизнью, чтобы покинуть свою комнату.

— И-и-и не правда это всё! — запинаясь, возмутилась женщина. — Я уже отпустила Варвару. Пусть идёт работает, хватит на шее у меня сидеть!

Племянница молча поджала губы, посмотрев на тётушку. Умничка, не стоит показывать свой характер перед городским.

— Вот, господин городской, засвидетельствуйте: сударыня Щедрина разрешила барышне Бахметевой работать у меня гувернанткой, — улыбнулся я, довольный, что всё вышло именно так, как я хотел. — Ежели поступит заявление в участок от сударыни на племянницу, не принимайте его. Барышня Бахметева по собственной воле покинула дом.

— Понял, — важно кивнул городской. — Зафиксирую в журнале как положено.

— Благодарю вас, — я пожал ему руку, незаметно сунув монету, так сказать, для закрепления договора.

— Всего доброго, — полицейский убрал руку в карман, а другой подкрутил ус, отдал честь и пошёл восвояси.

— Спасибо, — еле слышно прошептала Варя, облегчённо выдохнув.

— Давайте вашу котомку, — я забрал из рук девушки вещи. — Кучер уже заждался. Прощайте, сударыни, — я поклонился обоим Щедриным и надел шляпу.

— Даст бог — свидимся ещё, — донёсся голос молодой особы из окна.

Обязательно свидимся, сударыни, когда Варварино наследство перейдёт в мои руки. Но пока вам об это знать не надобно.

Усадив невесту в карету, я взглянул ещё раз на доходный дом. Ради такого приданого я готов ещё раз спасти барышню. Надеюсь, после венчания всё уладится и я заживу счастливо фиктивной семейной жизнью, занимаясь любимым делом.

— Кузьма, езжай на Кузнецкий мост, в салон мод, — велел я кучеру и сам запрыгнул в карету, сев напротив барышни. Экипаж тут же тронулся с места.

— Мы едем за платьем? — захлопала ресницами будущая супруга.

— Да. Довольно на сегодня приключений, — ухмыльнулся я.

— Простите, — она потупила взор. — Вы сильно ушиблись?

— Пустяки, не берите в голову, Варвара Михайловна. Впредь старайтесь не предпринимать подобных опасных шагов. Я не хочу быть дважды вдовцом.

— Щедрина заперла меня в комнате и грозилась неделю держать на хлебе и воде, — вздохнула девушка, поправив выбившуюся прядь волос. — Может, пока едем, вы расскажете мне о первой жене?

Я направил взгляд в окно. Говорить об Анастасии не хотелось. Ворошить прошлое не люблю, но всё же не стоит скрывать от Варвары грустную историю её предшественницы.

Глава 13. Грустная история

Варя

— Когда мне исполнилось двадцать пять лет, отец решил женить меня на дочери своего близкого друга, — Островский начал рассказ, глядя в окно. — Я был не против, так как Анастасию знал с детства. Кроткая, милая барышня. Она хорошо играла на пианино и любила цветы. Из неё бы вышла идеальная жена и мать, но судьба распорядилась иначе.

Он замолчал на пару секунд, собираясь с мыслями. Я терпеливо ждала продолжения, не смея торопить Александра.

— Свадьбу играли в имении. Конец августа выдался жарким и сухим, — снова заговорил он, бросив на меня момолётный взгляд. — Недалеко от деревни остановился табор цыган, и барон вместе с женой пожаловал прямо на торжество. Он попросил разрешения брать из деревенского колодца воду для своего народа. В обмелевшей реке вода цвела и была непригодна для питья. Я, конечно, разрешил. Жена барона в благодарность предложила погадать новобрачным. Анастасия с радостью согласилась. Я никогда не верил в гадания, особенно цыганские, а тут не знаю, что нашло на меня. Наверное, цыганка как-то воздействовала. Сначала она разложила карты для невесты, уединившись с ней в отдельной комнате. Анастасия вышла из гостиной довольная — видимо, гадалка сказала ей что-то хорошее, в отличие от меня. Полагая, не хотела расстраивать невесту и наговорила ей то, что Анастасия ждала услышать.

Островский умолк, покачав головой, снова переживая этот момент.

— Когда Азалия разложила карты передо мной, она нахмурилась и заявила, что мой род проклят. Все жёны у мужчин будут умирать в родах. Это напрягло меня, ведь моя мать действительно не выжила, родив меня.

— Вы поверили шарлатанке? — удивилась я. Неожиданно слышать подобные вещи от учёного.

— Не особо. Подумал, простое совпадение. Когда супруга сообщила, что беременна, я, конечно, обрадовался и решил сделать всё, чтобы она удачно разродилась. Договорился с опытной акушеркой, самой лучшей в городе. Она периодически осматривала Анастасию, говорила, что беременность типичная и всё протекает хорошо. Схватки начались вовремя, но что-то пошло не так. Родовая деятельность была слабой, жена сутки промучилась, и было решено отвезти её в больницу. Хирург сделал кесарево сечение, сына спасли, а мою жену нет. Она не перенесла операцию.

— Сочувствую вам, — мне искренне было жаль бедняжку. — Но проклятий не существует. Я думаю, это простое совпадение. Медицине ещё далеко до... — чуть было не сказала «до уровня двадцать первого века», но вовремя прикусила язык, — до совершенства. Хирургическое вмешательство нередко заканчивается плачевно.

— Вы правы, Варвара Михайловна, но я не собираюсь проверять во второй раз, есть на моём роду проклятие или нет, — мужчина сдвинул брови к переносице.

— Поэтому вы до сих пор не женились?

— И по этой причине тоже. Если женюсь, то никаких детей, — отрезал он. — Наш будущий брак в этом плане просто идеальный. У меня уже есть сын, о нём и буду заботиться.

— Вот и правильно, вам следует уделять больше внимание Грише, — улыбнулась я. А сама с облегчением подумала: как хорошо, что Островский не будет штурмовать мою спальню. Нет, я не верю в проклятия, но всё складывается удачно, раз брак у нас фиктивный.

— Мы приехали, — только произнёс мой жених, и карета остановилась возле ателье с красивой вывеской «Салонь мадамь Нинфль».

В глаза сразу бросились манекены в новомодных платьях: туалеты красивые, элегантные и явно стоят прилично.

— Вот это да... — восторженно выдохнула я, разглядывая наряды.

— Нравится? Лучший салон в Москве, и цены тут приемлемые, — Островский первый покинул карету и помог выйти мне, взяв за руку.

Когда Александр толкнул дверь, прозвенел мелодичный колокольчик. Я оказалась в раю, иначе не скажешь. Мягкие диваны, дорогие шторы, манекены в одеждах, на столике журналы мод.

— Добрый день, — к нам вышла миловидная женщина лет сорока в опрятном платье в полоску. — Меня зовут Татьяна Владимировна. Чем могу быть полезной?

И тут началось: примерка одного платья, второго... Мне нравились все. Конечно, это были не свадебные наряды, а для выхода в свет, например в театр или на званый ужин. Тем не менее выглядели они ничуть не хуже: элегантные, с юбкой годе и небольшим шлейфом, пышными рукавами до локтя — такая нынче мода в одна тысяча восемьсот девяносто первом году. Правда, пока ещё носили кринолины для придания юбкам объёма снизу.

Островский остался скучать в зале и пить кофе из маленькой фарфоровой чашечки, пока я стояла в примерочной перед большим зеркалом. Жених полностью доверил мне выбор, так как «видеть невесту в свадебном платье плохая примета». Вот и отлично, выберу то, что хочу! И я остановилась на том платье, которое лучше всего мне подошло, — из нежного шёлка с лёгким голубым отливом.

— Бельё будете смотреть? — улыбнулась сотрудница салона. — Чулки?

— Буду! — уверенно кивнула я.

Голова шла кругом от счастья. За два года, что я здесь живу, ни разу ничего себе не покупала, донашивая то, что имелось в моём скудном гардеробе. Только вздыхала, глядя на витрины магазинов и понимая, что наряды мои давно вышли из моды. Щедрина совсем не выделяла денег на меня, зато Зойку свою ненаглядную одевала с иголочки. Целая комната в доме отведена для одежды кузины.

Наконец-то я смогу обновить гардероб. Кажется, мой будущий муж не жмот. К тому же он приобретёт намного больше после нашего венчания. Так что пусть потратится сначала на невесту.

— Давайте ещё примерим парочку платьев для прогулки и для дома, — обратилась я к Татьяне.

— Замечательно. Ваш жених сказал, что нужно ещё вечерний наряд вам подобрать, — продолжала радовать меня сотрудница салона.

— Вечерний? Это же отлично!

Теперь меня точно не остановить!

Глава 14. Собрание

Александр

Что это? Продавщица носила и складывала возле дивана груды коробок, а я молча стоял, пытаюсь рассмотреть и подсчитать их количество. Может, у меня после падения просто двоится в глазах? Ан нет. Невеста определённо одна, а не стоит рядом с таким же рыжеволосым близнецом.

— Это всё? — с надеждой спросил я женщину, напряжённо улыбнувшись.

— Нет, пару платьев нужно подогнуть по фигуре, завтра доставим к вам домой, — порхала сотрудница салона над коробками. — Адрес только назовите, Александр Митрофанович.

— Хорошо. Выписывайте счёт, — еле выдавил я, посмотрев на Варвару. Девушка стояла в новом голубом платье и сияла, как начищенный самовар. Она точно решила меня разорить.

— Александр Митрофанович, как вам платье? — невеста покружилась, довольная выбранным нарядом. — По-моему, мне очень идёт.

— Чудесно, — вымолвил я, прикидывая в уме, сколько денег придётся выложить за это женское счастье. Отвык я от подобных трат, давно отвык.

— Спасибо вам большое, — она зарделась лёгким румянцем.

— Не за что. — Вздох невольно вырвался из груди.

Зато Варвара стала выглядеть прилично, всё же новая одежда ей была необходима. Видимо, Щедрина совершенно не выделяла денег на наряды племянницы. Ладно, пусть радуется. Когда женщина счастлива, она не мучает своего мужа придирками. Внесу лепту, так сказать, в наш «счастливый союз».

Сотрудница притащила счёт на внушительную сумму, которой у меня с собой, конечно, не было, и я выписал банковский чек. С собой мы взяли только пару коробок, остальное обещали доставить завтра.

Честно говоря, я жутко утомился, ожидая Варвару и даже проголодался.

Приехав домой, я с облегчением вздохнул. Взяв невесту за руку, повёл её на второй этаж.

— Вот, Варвара Михайловна, ваша комната, — я открыл перед ней дверь. — Располагайтесь. Кузьма принесёт ваши вещи. Евдокия все разложит. Она вчера подготовила комнату для вас.

Девушка прошла по комнате, разглядывая интерьер.

— Это спальня принадлежала вашей жене? — она взглянула на меня, задумавшись.

— Да, но вы не переживайте, её вещей здесь давно нет. Комната просторная, вам, надеюсь, хватит личного пространства.

— Конечно хватит. Здесь уютно. И гардеробная комната имеется? — Варвара заметила дверь, действительно ведущую в гардеробную.

— Всё верно. За ней следует ванная комната.

— С настоящей чугунной ванной? — она удивлённо распахнула веки.

— Не жалею денег на удобства, — меня взяла гордость, что я сумел удивить невесту. — Два года назад добился того, чтобы подвели электричество в дом.

— Вижу, — Варвара задрала голову, посмотрев на люстру. — Радует, что вы идёте в ногу со временем, Александр Митрофанович. В доходном доме на Тверской тоже провели электричество три года назад.

— Замечательно, — я улыбнулся. — Варвара, давайте уже обращаться друг к другу по имени. Всё же скоро станем супругами.

— Хорошо, — она кивнула. — После венчания съездим в имение Луговое, чтобы уволить управляющего и нанять нового. К тому же нужно представить вас прислуге в качестве нового хозяина.

— Обязательно съездим и Григория с собой возьмём. Я давно обещал ему рыбалку. В Луговом же есть река или озеро? — воодушевился я из-за того, что наконец-то смогу уделить время сыну.

— Да... кажется, — неожиданно замялась она.

— Вы не знаете? — удивился я.

— Я с десяти лет не была в Луговом — Щедрина отправила меня учиться в Мариинку, поэтому уже подзабыла, как далеко находится речка от имения, — девушка потупила взор, поджав губы.

— Ладно, разберёмся.

— Барин, куды это? — В открытые двери зашёл Кузьма, неся коробки из кареты. Следом за ним в комнате появилась горничная.

— В гардеробную неси, — указал я на дверь. — Евдокия, разбери покупки.

— Конечно, Александр Митрофанович, — покорно кивнула горничная. — Вы сегодня дома останетесь или, по обыкновению, отправитесь в собрание на обед?

— В собрание, Евдокия, — вспомнил я, что сегодня вторник, а значит, нужно будет поехать в Купеческий клуб.

Женщина последовала за кучером в гардеробную.

— Вы уезжаете? — Варвара удивлённо посмотрела на меня.

— Да, к сожалению, не могу пропустить традиционный вторичный обед. В Купеческом собрании назначена встреча с одним важным человеком. У меня к вам, Варвара, будет большая просьба, — было неловко говорить, но другого выхода я не видел. — Дело в том, что я недавно уволил гувернантку. Евдокия не успевает за Григорием приглаживать, у неё по дому и так дел хватает. Не могли бы присмотреть за моим сыном?

— Как долго будет длиться ваш обед? — её тонкие брови сдвинулись к переносице.

— Часа три-четыре, не дольше, — уверенно ответил я, хотя меня терзали смутные сомнения по этому поводу. Ведь в собрании сегодня выступает хор Анны Захаровны. Придётся уйти раньше.

— Хорошо, я приглажу за Гришей, — согласилась моя спасительница.

— Благодарю, — я даже поклонился девушке. — Обещаю, завтра же найму новую гувернантку, как только выйдет объявление в газете.

— Только не задерживайтесь, пожалуйста, — она строго посмотрела на меня исподлобья.

— Постараюсь. Не буду вам мешать устраиваться на новом месте, — мне не терпелось уйти в кабинет и проверить все бумаги, что я подготовил для встречи.

— Спасибо вам большое, Александр, за сегодняшний шопинг... то есть я хотела сказать, за посещение салона, — девушка прикусила губу.

— Пустяки, — отмахнулся я, откланявшись. — Увидимся вечером.

Я провёл пару часов в кабинете, занимаясь делами. Забегал Григорий, и я с полчаса учил его чтению, раз пока гувернантки нет. Предупредил его, чтобы не чудил, пока меня не будет дома. Он пообещал вести себя хорошо.

В три часа после полудня я отправился в купеческое собрание, где сливки предпринимательского общества собираются на вторичные обеды. Я договорился о встрече с Феррейном, хочу предложить ему сотрудничество по реализации парфюмерии — Феррейн владел не только аптеками и магазинами, но и стеклодувной фабрикой, а я очень нуждался в красивых флаконах для первой партии своих о-де-колонов. Я не так давно вступил в клуб, ища новые знакомства. И вот мне повезло, неделю назад познакомился со стариком Феррейном.

Карета остановилась возле двухэтажного особняка на Большой Дмитровке. Именно тут учредители Купеческого клуба уже много лет арендуют дом у Салтыковых-Мятлевых.

Войдя внутрь, я снял шляпу, крепче сжав кожаную папку с бумагами. Вдохнул аппетитные ароматы, которые вырывались из открытых дверей ресторана. Кажется, сегодня подают стерляжью уху и знаменитую двенадцатиярусную кулебяку.

В зале собралось много народу, в большинстве мужчины. С жёнами сюда приходили только на семейные мероприятия, например на бал или концерт. Купеческий клуб был местом отдыха, кто-то проигрывал в карты целое состояние, и в то же время здесь совершались большие сделки.

Музыканты играли незатейливую мелодию, и рыжеволосая девица пела весёлую песню на французском с рязанским акцентом. Зато псевдоним у неё, наверное, Жюли или Колетт.

— Александр, сюда! — мне помахал мой компаньон Куликин. Савелий приехал раньше меня. Он встал из-за стола, за которым сидели Феррейн с сыном.

— Доброго дня, господа, — я склонил голову перед мужчинами. — Рад видеть вас, Владимир Карлович и Вальдемар Владимирович, — пожав руки мужчинам, я сел на свободный стул.

— Взаимно, Александр Митрофанович, — из-под пышных седовласых усов мужчины виднелась улыбка. — Давайте отложим дела на потом, а то на голодный желудок плохо думается, — он кивнул на папку у меня под мышкой.

— Как скажете, Владимир Карлович, — согласился я, заметив краем глаза приближающегося официанта. Он принёс на подносе графины с морсами и чистые стаканы.

Во время трапезы мы говорили о чём угодно, только не о делах. Время нещадно шло, а Феррейн даже не заикался о договорённости, словно тянул время. Вот уже кулебяка съедена до крошки и чай стынет в чашках, а мы всё слушаем пение шансонеток. Где кстати, обещанные певицы Анны Захаровны?

Только подумал об этом, как на полукруглую сцену вышла шикарная блондинка в красном платье с таким глубоким декольте, что два выпирающих полухолмика притягивали взгляд, как магниты. Полилась лирическая музыка, девушка разомкнула алые пухлые губы и запела. Как только раздался бархатный голос певицы, в зале сразу стало тихо, только гитарные струны выдавали нежные аккорды.

Я замер, словно заколдованный, слушая романс.

— Святые угодники, кто она? — прошептал Савелий, озвучив мои мысли и жадно разглядывая красавицу.

— Дора Грей, восходящая звезда у Анны Захаровны, — тихо ответил Вальдемар. — Вы ещё не слышали о ней?

— Нет, — я наконец-то смог выдохнуть, — но желаю познакомиться.

— Тогда придётся ехать в ресторан Апельсина, — ухмыльнулся собеседник. — Анна Захаровна не позволит здесь своим певичкам знакомиться с членами клуба.

— Хоть на край света... — слова сами слетели с моих губ, а я уже забыл, зачем вообще приехал сюда.

Глава 15. Проказник

Варя

Островский укатил в Купеческое собрание, оставив меня с Григорием. Честно говоря, не хотелось сидеть с мальчишкой и быть ему нянькой, но будущий муж порадовал меня сегодня шопингом, и я решила из благодарности согласиться. Подумаешь, пару часов проведу с ребёнком. Сменив новое платье для прогулок на домашнее, тоже новое и красивое, я отправилась в детскую комнату, которая служила ещё и классом во время занятий.

Григорий сел за парту и принялся что-то выводить карандашом на чистом листе. Я рассмотрела стеллаж с книгами. В основном это были всевозможные учебники и пособия, рассчитанные на разный возраст учеников, также имелись детские книги о приключениях и сказки. Обнаружилась пара дамских романов, наверное бывшая гувернантка оставила на стеллаже. Я взяла один из них, чтобы хоть как-то убить время, и села на диван, погрузившись в чтение.

— Варвара Михайловна, обед подан, — скоро в детскую вошла горничная. Отлично! Пора отправляться в столовую.

— Спасибо, — кивнула я женщине и посмотрела на мальчика, рисующего карандашом каракули. — Гриша, пошли обедать.

— Иду, — буркнул он себе под нос, а сам с места не сдвинулся, продолжая рисовать.

— Долго тебя ждать? — я поставила руки на бока. — Не проголодался ещё?

— Нет, — он даже глаз не поднял на меня.

— Ладно, останешься голодным — пеняй на себя. Меланья с Евдокией не будут для тебя отдельно накрывать на стол.

Я развернулась и направилась к выходу. За спиной послышался вздох и скрип стула. Всё же сорванец последовал за мной.

В столовой аппетитно пахло борщом и запечёнными котлетами.

— Руки не забудь помыть, — напомнила я ребёнку, направившись к рукомойнику. Водопровод хоть и был в доме, но в столовую трубу не подвели.

Я села на своё место, предвкушая возможность поесть от души. Когда Евдокия сняла крышку с тарелки, я опасливо посмотрела на содержимое — слава богу, никаких пауков, мух и тараканов не плавало в бульоне.

Григорий молча сложил руки в молебном жесте и, едва шевеля губами, прочитал молитву перед тем, как приступить к еде. Я тоже склонила голову и прошептала «Отче наш», выучила её ещё в Мариинке.

— Приятного аппетита, — улыбнулась я мальчику и взяла ложку.

Борщ оказался наваристым и сытным. Я с удовольствием ела, забыв о Щедринах и их существовании. Как же хорошо, когда чувствуешь себя в безопасности. После первого блюда последовали котлеты с запечёнными овощами и пирогами. Когда принесли чай, я уже наелась досыта. Открыла сахарницу и положила щипцами в чашку два небольших кусочка.

— Благодарю великодушно, — Григорий встал из-за стола. — Я наелся. Пить не хочу. Можно я пойду к себе в комнату?

— Иди, — кивнула я, мешая ложкой чай. Мальчишка ускакал, а я подумала о том, что он ещё ни разу не назвал меня по имени. Не особо он разговорчив.

Я пригубила чай, отхлебнув глоток и тут же скривилась, выплюнув обратно напиток в чашку.

— Тьфу! Солёный! — я посмотрела на горничную, которая стояла у входа в буфет.

— Как солёный? — ахнула она и подошла к столу, взяв фарфоровую сахарницу, ухватила щипцами небольшой колотый кусочек. — Ну да, соль, видно же. Ничего не понимаю. Как в сахарнице оказалась соль? Ох и проказник Григорий Александрович, — покачала она головой.

— Думаете, это он подменил? — поджала я губы, понимая теперь, почему сорванец убежал, когда подали чай. И как я сама не разглядела куски соли?

— Больше некому, — покачала головой горничная. — Когда только успел? Не заметила даже. Вот вернётся барин, всё ему доложу.

— Не надо, я сама поговорю с мальчиком, — строго произнесла я. — Лучше поменяйте мне чай и принесите сахар, Евдокия.

— Хорошо, барышня, — женщина забрала мою чашку и сахарницу.

Я подумала, что заменить сахар на соль — давняя проказа детей — не так критично. Зачем сразу жаловаться отцу? Сама пожую Гришу, спокойно и без криков.

Горничная принесла новую чашку с горячим чаем и сахарницу, наполненную колотым сахаром. Теперь можно расслабиться и насладиться сладким напитком.

— Благодарю за обед, — обратилась я к горничной, встав из-за стола, и направилась к выходу.

— Ой, Варвара Михайловна, у вас сзади юбка в чернилах, — испуганный голос прислуги догнал меня на полпути.

— Что? — я удивлённо обернулась, заглядывая себе за спину, и увидела расплывшееся чёрное пятно на светло-бежевой ткани. — Господи! Моё новое платье!

Я подбежала к стулу и увидела точно такое же расплывшееся чёрное пятно на красной обивке.

— Как оно оказалось тут? Его же не было, я точно помню, когда садилась! — сжав кулаки, я с досадой смотрела на стул. Ну не могла я не заметить его на сиденье!

И тут я вспомнила школьные годы, как в первом классе Димка Соболев с помощью шприца ввел в мягкое сиденье учительского стула вишнёвый сок. Алла Николаевна, конечно, ничего подозревая, села на стул. Только потом она ощутила, что юбка промокла. Вот смеху было, правда, родителей Соболева вызвали в школу из-за сорванного урока.

Найти шприц в доме химика-аптекаря не составит труда.

— Ну Григорий Александрович, — процедила я, направляясь в холл.

— Батюшки! — ахнула горничная, тоже сообразив, чья это была проказа.

— Ух покажу я этому шалопаю, где раки зимуют! Как он мог испортить моё новое платье?! — я поднималась по лестнице, впиваясь пальцами в перила. — Только купили! Что теперь делать с ним? Выкинуть?

Я распахнула дверь в детскую и обвела комнату взглядом. Гриши нет. В спальне, наверное. Но и там шалопаю не обнаружила.

— Григорий! — заорала я на весь дом. — Выходи, хулиган!

Конечно, этот мелкий засранец спрятался где-то и не выходил.

— Барышня, давайте я застираю платье, может, получится пятно вывести, — горничная шла за мной по пятам.

— Хорошо, — я отправилась в свою комнату, чтобы переодеться. Пришлось надевать старое платье. Эх, даже не успела насладиться обновой. Как жалко-то!

— Ну вот что с этим проказником делать? — покачала я головой, отдав испорченное платье горничной. — Где он теперь сидит?

— На чердаке, обычно он там прячется, когда что-нибудь набедокурит, — сдала Евдокия хозяйского сына. — В конце коридора лестница.

— Спасибо, — я поспешила в указанном направлении.

Крутая лестница вела к закрытому люку. Значит, там сидит. Я осторожно поднялась, придерживая подол платья. Толкнула вверх дверцу и откинула её.

— Гриша! Выходи, негодник! — строго позвала я мальчишку, заглядывая на чердак.

Сначала ничего не могла разглядеть в полумраке, только маленькое слуховое окно светилося. Поднялась ещё на пару ступеней. Треугольная крыша, деревянные балки, а вот и сам проказник сидит в старом кресле, обхватив колени руками.

— И зачем ты это сделал? Испортил моё новое платье. Его, между прочим, твой папа только сегодня купил для меня, — строго произнесла я, но голоса не повышала.

— Не хочу, чтобы он женился на вас, — буркнул он себе под нос.

— Разве я сделала тебе что-то плохое? Почему не нравлюсь тебе? — я поднялась на чердак. Честно говоря, жуткое место. Мне уже мерещились огромные пауки по углам. Но я взяла себя в руки и, чуть нагнувшись, чтобы не удариться головой о лагу, подошла к креслу.

— Нет, — Гриша замотал головой, посмотрев на меня.

— Так почему ты против того, чтобы твой отец на мне женился? — в этот момент вся злость моя улетучилась.

— Вы поженитесь, и у вас родится малыш — я подслушал разговор кухарки с горничной. Значит, папа меня сразу разлюбит, — его губы превратились в тонкую линию, подбородок затрясся, но пацан сдерживал слёзы, как настоящий мужчина.

— Что ты такое говоришь? — вздохнула я. — Твой папа никогда не разлюбит тебя. К тому же ты можешь не переживать насчёт малыша. У нас не будет детей.

Как же объяснить ребёнку, что ему нечего опасаться?

— В общем, я не могу родить ребёночка... — безбожно врала я, не зная, что придумать, — после болезни. Врач так сказал.

— Да? — он округлил глаза, захлопав пушистыми ресницами.

— Давай договоримся так. Я ничего не рассказываю о твоих проказах отцу, но с одним условием: больше никаких пауков в супе, чернильных ловушек на стульях и прочего хулиганства.

Мальчишка посмотрел на меня исподлобья.

— Договорились или нет? — изогнула я бровь.

— Согласен! — отчеканил он, подскочив с кресла.

— Тогда по рукам? — я протянула ладонь, улыбнувшись. — Договор нужно закрепить рукопожатием — так делают все люди чести и слова.

— По рукам! — маленькая ладошка сжала мои пальцы.

— Отлично. Пошли в комнату, нечего тут в темноте сидеть.

Мы спустились в дом. Гриша повеселел оттого, что легко отделался за свои проказы. Но если ещё что-нибудь выкинет эдакое, я с ним точно церемониться и договариваться не буду.

Григорий занялся игрушками, а я снова села за чтение романа. Скоро должен вернуться Островский.

Прошло обещанных четыре часа, но мой будущий муж так и не явился. Мы поужинали с Гришей вдовоём, а Островский явно не торопился домой. Где его черти носят?

Горничная отвела мальчика в спальню и уложила его в кровать. Я, взяв с полки книгу со сказками, пришла к нему в комнату, так как не знала чем себя занять.

— Гриша, хочешь, я прочитаю тебе сказки? — я показала книгу.

— Хочу, — улыбнулся он, довольный.

На стене горел электрический светильник, я, сев на стул возле кровати, принялась читать. Как же хорошо, что я попала не в дремучее средневековье, а в конец девятнадцатого века, хоть электричество уже в домах имеется, водопровод и ванная.

Кстати, нужно сказать горничной, чтобы воду согрела. Хочу помыться как следует. Щедрина ходила раз в неделю в общественную баню, а мне доставался только таз с подогретой водой в уборной — как хочешь, так и мойся.

Гриша уснул через две сказки. Я выключила светильник и вышла из комнаты. Евдокия несла по коридору ведра с горячей водой. Ура! Помоюсь!

— Александр Митрофанович не вернулся ещё? — задала я вопрос, сопровождая горничную до ванной.

— Нет, барышня, не вернулся. Обычно барин приезжает довольно поздно. Мойтесь и ложитесь спать, Варвара Михайловна, не ждите хозяина, — будничным тоном ответила прислуга, выливая воду из ведра в ванную. Пар поднялся до самого потолка.

Вот ведь вран! Надеюсь, у Островского есть серьёзные причины, чтобы задержаться в клубе.

Глава 16. Сделка

Александр

Как же прекрасно Дора пела! Я слушал и не мог ею налюбоваться. Голос — журчащий горный ручей, несущий прохладу и свежесть. Хотелось испить его, утолить жажду, наслаждаясь чистым вкусом. Но когда она ушла со сцены, спев последний романс, я словно очнулся от наваждения и пришёл в себя.

— Владимир Карлович... — повернулся к Феррейну, но того уже не было за столом, как и его сына.

— Савелий, а где?.. — недоуменно посмотрел я на компаньона, указав на пустой стул.

— В зал они ушли в карты играть. Не слышал, что ль? — хохотнул друг. — Околдовала тебя эта сирена, что сам себя не помнишь.

— А который час? — похлопав по нагрудному карману, я достал часы на цепочке. Открыл серебряную крышку и ахнул: восемь доходит. Я ведь должен был вернуться домой! — Что делать? Нужно показать Феррейну мой прожект.

— Иди, пока не поздно, — покачал головой Савелий, — а то ещё полгода будешь бегать за стариком.

Делать нечего, придётся задержаться. Надеюсь, Варвара несильно на меня обидится. Вон я сколько нарядов ей накупил, так что долг платежом красен, как говорится.

Я схватил папку, шляпу и поспешил в соседний зал. Войдя внутрь, чуть не задохнулся от табачного дыма. Некоторые мужчины, не отрываясь от карт, дымили как паровозы. Столы, обитые сукном, стояли в зале в три ряда. Электрические лампы освещали азартных игроков, которые могли себе позволить сорить деньгами. Здесь неважно, какого ты сословия, купец или дворянин — все собрались в клубе, чтобы расслабиться и шиковать перед другими.

А вот и Феррейн с сыном, уже явно расслабленные от съеденного и выпитого, сидят за дальним столом. Набравшись храбрости, я решительно двинулся в их сторону. Пусть только попробует меня не выслушать.

— Владимир Карлович, как игра? Удача вам благоволит? — я подвинул стул поближе к старику.

— Так себе, — недовольно прокряхтел он.

Сев, я взглянул на игроков и увидел недавнего знакомого, купца Холодова:

— Доброго здравия вам, Савва Тимофеевич.

— Александр Митрофанович, и вы здесь? Удивлён, но рад встрече, — улыбнулся мануфактурщик. — Решили испытать фортуны? Мы только что закончили партию. Присоединяйтесь к нам.

— Благодарю, но я не играю в азартные игры. Удача меня не любит, — ответил я с иронией. — Лёгкие деньги как приходят, так и уходят. В итоге можно потерять ещё больше, чем выиграть.

— Вы правы, — кивнул Холодов. — Неделию назад я выиграл сто тысяч у полковника Суховеева, а на следующий день проиграл пятьсот тысяч купцу Шишигину. — Весёлый тон игрока однако говорил, что он не так уж и расстроен, потеряв огромные деньжищи. У меня же чуть глаза на лоб не полезли. Я отродясь таких сумм в руках не держал. В прошлом году ходил слух, что Холодов проиграл полтора миллиона в карты. Теперь мне уже не кажется, что это была преувеличенная сплетня.

— Я, вообще-то, по делу пришёл, Владимир Карлович, — указал я на свою папку. — Вы обещали меня выслушать. Помните?

— Помню, сударь, — хмуро покосился на меня Феррейн. — Говорите, только кратко и по делу. Не люблю лишней болтовни.

— Хочу заказать у вас красивые стеклянные флаконы для о-де-колонов, — начал я торопливо излагать суть предложения, достав из папки эскизы. — Есть три аромата, которые я создал. Готовлюсь выпустить первую партию. Нужен сбыт, а я знаю, у вас прекрасная сеть аптек и магазинов. Желаю сотрудничать с вами на выгодных условиях, Владимир Карлович.

— Что ж, стекло я вам, Александр Митрофанович, поставлю, сколько нужно, — скрипучим голосом заговорил аптекарь, ещё сильнее сдвинув брови к переносице. — А вот насчёт сбыта не уверен. Брокер и Ралле будут недовольны конкуренту в моих лавках. У меня с ними уговор. Тем более французы давно зарекомендовали себя, их парфюм охотно покупают, а вы новичок в этом деле.

— Понимаю, — я поджал губы, стараясь не показать досады. — Но всё же я не совсем новичок, Владимир Карлович. У меня есть аптека и лаборатория, моё мыло от перхоти провизоры охотно берут на сбыт. Фамилия Островский знакома покупателям, уверяю...

— Вот и занялись бы мыловарением, — ухмыльнулся Феррейн, перебив меня. — А хотя нет. Брокер и Ралле в этом тоже давно преуспели.

— А мне нравится предложение Александра Митрофановича, — неожиданно в наш разговор вмешался Холодов. — Жаль, я занимаюсь другим товаром. Подумайте, французы заполонили рынок, кругом их любимая лаванда на прилавках. Надоело, хочется чего-то своего, русского, но с хорошим вкусом и шиком. К тому же Александр заключил пари с самим Луи Сиуре, что его парфюм выиграет в следующем году Гран-при в Париже.

— Вот уж насмешили, Савва Тимофеевич, — басовито расхохотался старик. — Гран-при? В Париже?

— Так и есть, Владимир Карлович, — процедил я, понимая, что нахожусь на грани провала. — Могу представить вам парфюм, который собираюсь выпускать в своей лаборатории.

— Не нужно, я дал слово вашим конкурентам. Уж извините, Александр Митрофанович. Заказать флаконы можете в любое время, только принесите эскизы на фабрику, скажу Крапу Алексеичу, чтоб скидку вам сделал, — великодушно произнёс Феррейн. — Сыграйте с нами лучше в покер.

— Благодарю, но не могу. Дел невпроворот. Я, знаете ли, женюсь в эту пятницу, — важно сообщил я, чтобы причина отказа звучала весомо.

— Женитесь? — старик удивлённо вскинул брови. — Однако неожиданно. Поздравляю вас. Давно пора, одному-то тяжело, особенно вдовцу с ребёнком.

— Прекрасная весть! — воскликнул Холодов. — Рад за вас, Александр. Кто она? Красавица, коих свет не видывал, или богатая наследница?

— Дочь покойного графа Михаила Николаевича Бахметева, — не без гордости ответил я. — Миловидная, воспитанная и образованная девица, окончила Мариинское училище.

— Варвара? — выпучил глаза Феррейн. — Я лично был знаком с графом и видел его дочь ещё совсем крошкой. Он был хорошим человеком. Его доходный дом до сих пор стоит на Тверской?

— Да, и скоро перейдёт в мои владения в качестве приданого Варвары Михайловны, — я расслабленно откинулся на спинку стула. — Открою аптеку, оборудую рецептурную на втором этаже и лабораторию, где буду создавать изысканные ароматы.

— Вижу, планы у вас и впрямь грандиозные, — ухмыльнулся старик. — Даже завидно стало. Эх, молодость, она всегда горит идеями.

— Александр Митрофанович, через неделю я устраиваю приём, — обратился ко мне Холодов. — Приглашаю вас с будущей супругой. Будет интересно: именитые гости, развлечения и шикарный стол.

У меня чуть глаза на лоб не полезли. Кто не слышал о масштабных приёмах в особняке Холодова? Сам император, наверное, завидует такому размаху и богатству.

— Благодарю, Савва Тимофеевич, — спокойно ответил я с улыбкой на лице. — Непременно будем с Варварой Михайловной.

— Раз такое дело, я подумаю над вашим предложением, Александр Митрофанович, — вдруг выдал фразу Феррейн. — Оставьте мне бумаги, что вы принесли. Дома с сыном ознакомимся, обмозгуем, как не обидеть ваших конкурентов.

— Благодарю, Владимир Карлович. Вот, прошу, — я протянул папку с расчётами, еле сдерживая бурную радость. Неужели новость о моём предстоящем браке повлияла на решение Феррейна? Однако удачно я обмолвился.

— Теперь-то вы не откажетесь с нами сыграть партию? — хитро прищурился Холодов и кивнул крупье, чтобы тот открыл новую колоду.

Что делать? Как я могу отказаться, когда он пригласил меня на приём?

— Разве только партию, — я уже мысленно попрощался с той небольшой суммой денег, что взял с собой. Ладно, это мелочи. Я на женские наряды отдал сегодня в десять раз больше, но укрепить дружеские отношения с Холодовым и Феррейном просто обязан.

В жизни не был заядлым игроком и прекрасно знал, когда пора покинуть игру, чтобы не проигратся в пух и в прах. Правда, всё же одной партией не обошлось. Компания подобралась отличная и, самое главное, нужная.

Когда я вышел из собрания, довольный тем, что удачно всё сложилось, понял, что безбожно опоздал домой. Поехать в ресторан к Апельсину придётся в следующий раз. С Дорой Грей я обязательно познакомлюсь, но позже.

Возле здания клуба дежурили извозчики. Хорошо, что я Кузьму отправил домой, а то бы он заждался меня. Пролётка быстро довезла до особняка. Расплатившись с извозчиком, я поспешил к калитке. В окнах кое-где ещё горел свет. Прислуга, наверное, заканчивает свою работу.

В холле меня встретила тишина. Я не спеша поднялся по лестнице на второй этаж. Гриша и Варвара уже спят, скорее всего. Умыться бы и тоже лечь спать. Зевнув, я направился в ванную. Осторожно толкнул дверь, в лицо пахнуло тёплым влажным воздухом, и я замер, увидев прекрасную белокожую русалку. Она обнажённая стояла возле зеркала, вытирая рыжие волосы полотенцем. Я забыл, как дышать, выпучив глаза.

— Варвара... — ошеломлённо выдохнул я, узнав свою невесту.

Глава 17. Разговор о делах

Варя

Сегодня был чудесный день, несмотря на то, что Островский до сих пор не вернулся. Я приняла ванну, отмокала, наверное, не меньше часа, вымылась как следует. Давно я не ощущала себя такой чистой. Я мурлыкала себе под нос какую-то мелодию из моего времени, стоя возле зеркала и вытираясь полотенцем.

Вдруг по ногам прошелся прохладный поток воздуха, и я взглянула на дверь, понимая, что та открыта...

— А-а-а! Вон отсюда! — завопила я, прикрываясь полотенцем. В проёме стоял Островский с вытянувшимся лицом. Схватив со столика первое, что попало под руку, кинула в него со всей дури. От ужаса зажмурила глаза, так как это оказался медный ковш, который врезался прямо в лоб мужчине.

— Чёрт знает что такое! — раздался вопль. Я распахнула веки.

Островский сидел на полу, потирая ушибленный лоб.

Придерживая рукой полотенце, я в страхе кинулась к нему. Травмировала жениха!

— Где? Покажите! — пальцы тряслись, но я схватила мужскую руку, отведя её ото лба. Прямо посередине краснела наливающаяся шишка. — Вот какого лешего вы зашли в ванную? — негодовала я на него и на себя заодно.

— Я... хотел умыться, — янтарные глаза ошалело разглядывали меня, точнее то, что нечаянно открылось, ведь полотенце так и норовило сползти вниз. Я поймала его в самый последний момент, натягивая обратно на грудь. — Откуда я знал, что ванная занята...

— Лёд есть на кухне? Приложите его или сделайте компресс из холодной воды. Ну? Чего расселись? Шишка же будет! Бегите скорее на кухню! — я вскочила на ноги и протянула руку мужчине, помогая ему встать.

Полотенце опять сползло, открывая то, что не предназначалось для взора будущего мужа, а он глаз с меня не сводил, пребывая в какой-то заторможенности. Я снова подхватила полотенце, прикрываясь.

— Хватит пялиться на меня! — не выдержала я. — Идите уже на... на кухню! — еле сдержала брань. Всё-таки за два года научилась выражаться как благовоспитанная барышня, но сейчас от шока из меня лезли забытые слова из лексикона двадцать первого столетия.

Островский явно все ещё был в прострации от происходящего и увиденного — хлопал чёрными пушистыми ресницами, недоуменно потирая лоб рукой.

— На кухню, Александр Митрофанович, на кухню! — Пришлось вытолкать его за дверь. — Лёд приложите! — крикнула я вдогонку, подхватывая полотенце, но не успела. Оно соскользнуло к моим ногам, и я захлопнула дверь перед любопытным мужским носом.

Принесло его на ночь глядя домой! Я подняла полотенце и пошла к крючку, где висел мой новый стёганный халат. В комнату прошла через смежную дверь, которая вела в мою гардеробную и далее в спальню.

Совість не дала мне спокойно лечь спать. Я потуже запахнула халат, влажные волосы расчесала и заплела в свободную косу. Надела мягкие тапочки, похожие больше на балетки. Пойду проверю Островского. Большая ли шишка? Вот красота будет на венчании — жених с синяком на лбу.

Я спустилась на кухню. Островский сидел на стуле, облокотившись на стол и прижимая рукой ко лбу мокрое полотенце; рядом стояло блюдо с водой.

— Как вы? — я остановилась в дверном проёме, не решаясь пройти, не зная, как мужчина отреагирует на моё появление. — Простите, Александр, я не хотела вас покалечить. Схватила, что первое под руку попало. Очень больно?

Он сразу поднялся и опасливо смерил меня взглядом. Убедившись, что я одета прилично, вздохнул, положив полотенце в блюдо.

— Больно, — скривил он губы. — Я сам виноват. Даже не подозревал, что ванная занята в столь поздний час. Думал, вы уже спите.

— А не надо было так поздно возвращаться, — возмутилась я справедливо, сделав шаг вперёд. — Вы обещали вернуться домой через три-четыре часа. А сейчас уже полночь.

— Простите, Варвара, — мужчина выжал полотенце, расправил его и снова прижал ко лбу. — Так вышло, я не хотел, честное слово. Старик Феррейн весь вечер откладывал разговор, а потом и вовсе отказал мне. Правда, затем согласился подумать над моим прожектом, когда я обмолвился, что женюсь на вас. Оказывается, он лично знал вашего отца и даже помнит вас ребёнком.

Я застыла, глядя на Островского. Он серьёзно?

— Надеюсь, этот ваш прожект стоит того, чтобы болтать о нашем венчании где попало, — покачала я головой, прикрыв на мгновение веки.

— Не переживайте, Варя, всё же сложилось удачно. Даже Холодов, услышав о том, что я женюсь на урождённой графине, сразу пригласил нас на званый ужин, — на лице жениха расплылась довольная улыбка. — Вы даже представить себе не можете, какая это удача.

— Увы, не могу представить. Понятия не имею, кто такой Холодов и чему вы так радуетесь, Александр, — я сложила руки на груди. — А если до Щедриной дойдёт слух, что я замуж собралась? Вы об этом подумали? Зачем нужно было об этом говорить там, где собралось много людей? У тётушки, между прочим, в купеческой среде немало связей. Она девять лет хозяйничает в доходном доме, и большинство арендаторов лично знакомы с ней.

Островский поджал губы, поняв свою оплошность.

— Не волнуйтесь, Варя, венчание уже скоро. Не будет же ваша родственница бегать по церквям и храмам Москвы, чтобы отыскать вас, — он снова опустил полотенце в воду. — Я не дурак и не стал говорить, где и во сколько мы венчаемся. Об этом знают только мои близкие друзья, которых я пригласил в качестве поручителей.

— И на том спасибо, — я театрально поклонилась в пояс.

— Не паясничайте, Варя, — усмехнулся мужчина, выжимая полотенце. — Кстати, как Гриша себя вёл?

— Хорошо. Милый мальчик, — натянула я улыбку, сдержав обещание, данное сорванцу. — Читала ему перед сном сказки, он быстро уснул.

— Благодарю, Варвара. Я перед вами в долгу. Просите чего хотите, — благосклонно произнёс он, явно рассчитывая услышать что-то вроде «хочу красивое колечко».

— Расскажите мне про ваш прожект, — я села на свободный стул. Вот оно дворянское воспитание — мужчина не сядет, пока дама рядом стоит. Островский опустился на соседний стул, придерживая полотенце на лбу.

— Что вас конкретно интересует? — он удивлённо вскинул брови.

— Всё, Александр Митрофанович. Как будущая супруга, имею право знать, каким образом вы собираетесь использовать моё приданое.

— Хорошо, — он пожал плечами. — Я хочу запустить производство первой партии оде-колонов. Образцы вы уже лицезрели недавно: «Виолет», «Идеал» и «Наполеон». Я всё же договорился с Феррейном о флаконах для парфюмерии. Вот только он обещал подумать над моим предложением о реализации части партии в его магазинах. Не уверен, что согласится, — старик обещал Брокеру и Ралле не брать на сбыт другую парфюмерию.

— Мне нравится ваша идея, — я цокнула языком. — Откроем в доходном доме свою лавку ароматов. Давно мечтаю об этом.

— Я хотел оборудовать аптеку на первом этаже, а на втором — рецептурную, — нахмурился мужчина. — Там и буду торговать оде-колонами и мылом. Не вижу смысла открывать

отдельную лавку, пока у меня всего три парфюма. А на создание одного аромата уходит немало времени, к тому же на моих плечах ещё аптека и производство мыла.

— У вас есть мыловарня? — что ж он сразу не сказал.

— Не у меня лично. У моего компаньона Савелия Куликина небольшое производство, еле успеваем выполнять заказы. Нужно новое оборудование покупать. К тому же, если дело с о-де-колонами выгорит, придётся со временем и лабораторию расширять.

— Отлично. Значит, будем расти, — меня вдохновил план Островского, даже сердце забилось чаще. Я уже представила целую фабрику с названием «Предприятие Островского А.М.»

— Легко сказать. Для расширения нужны деньги, и немалые, — скривился Островский. — Уже не первый месяц ищу компаньонов, желающих вложиться в моё дело. Пока, увы, безрезультатно. А банки берут большой процент за кредит.

— Инвесторов найдём обязательно, — уверенность горела в моей душе надеждой и решимостью. Я затараторила на одном дыхании: — А насчёт лавки ароматов не переживайте. Ассортимент можно расширить душистым мылом, саше, подарочными наборами. И также торговать французской косметикой. Осталось только найти поставщиков. К тому же я могу помочь вам в создании новых ароматов.

— Вы?! — он округлил глаза, уставившись на меня.

— Почему нет? — я настороженно покосилась на него. — Вы против? По-моему, вы уже убедились в том, что я не профан в парфюмерии.

— Не женское это дело, Варвара Михайловна, — он резко встал, бросив полотенце в блюдо и расплескав воду. — Вы же урождённая графиня. Как я в глаза людям буду смотреть, если общество будет шептаться, что супруга сует нос в мои дела?

Он это серьёзно? Моё лицо вытянулось в недоумении.

Глава 18. Гувернантка

Александр

— То есть вы хотите, чтобы я сидела дома и варила вам борщи? — неожиданно возмутилась рыжеволосая русалка.

У меня до сих пор перед глазами стояли её наливные яблочки, которые мне посчастливилось лицезреть, за что я несправедливо поплатился собственным лбом.

— Нет. Меланья прекрасно справляется с кухней, — я не понимал, при чём тут борщи. Парфюмерная лавка... О-де-колоны... Что она там придумала себе?

— Тем более. В доме есть прислуга, которая обеспечивает порядок и уют. Гувернантки только не хватает, — Варвара сложила руки на груди. — А я чем буду заниматься? Чахнуть от тоски?

— Так вот чего вы боитесь? — ухмыльнулся я. — Уверяю, вам не придётся скучать, Варвара. Званные обеды, вечера, балы, выставки, театры — вам будет чем заняться, чтобы поддерживать статус дворянки. К тому у вас есть имение — вот и займитесь им, а то лето быстро закончится.

Девушка подскочила, упрямо поджав губы. Мне пришлось тоже встать.

— Могу я хотя бы открыть в собственном доходном доме маленькую парфюмерную лавку? — её голубые глаза светились яростью, направленной на меня. Что обидного я сказал?

— Посмотрим, — вздохнул я устало. — Давайте поговорим об этом после свадьбы, а то мы даже ещё не поженились и брачный договор не заключили.

— Хорошо, — она продолжала смотреть с вызовом, гордо подняв подбородок. — Правда поздно, уже давно пора спать. Спокойной ночи, Александр.

— И вам добрых снов, Варвара, — я улыбнулся, провожая взглядом невесту. Даже не думал, что под строгими платьями скрывается настоящая русалка.

Я убрал со стола блюдо с водой, повесил полотенце сушиться на верёвку и отправился спать. Ну и день выдался! Чуть жив остался. Лоб до сих пор болел, точно синяк будет.

Утром еле проснулся от стука в дверь. Значит, уже восемь часов и горничная по обыкновению пришла меня будить.

— Барин, я вам кофею принесла, — она поставила на комод поднос. Ноздрей тут же коснулся бодрящий аромат.

— Спасибо, Евдокия, — я зевнул, потягиваясь. — Что барышня? Спит ещё? — решил спросить про Варвару.

— Никак нет, проснулась час назад. Тоже кофею попросила, как учуяла аромат. Пойду вот сделаю. А что у вас со лбом? Синяк? — женщина удивлённо смотрела на меня.

— Нечаянно в ванной на ковш наткнулся, — сморщил я лоб и почувствовал, что моя травма никуда не делась. — Можешь идти.

— Ковш? Как же так? — ахнула горничная, но вовремя спохватилась, вспомнив, что ей велено было уйти, и покинула комнату.

Я встал с постели, отпил пару глотков бодрящего напитка и начал упражняться, чтобы окончательно проснуться. Затем быстро принял прохладный душ, стоя в ванной. На этот раз внутри никого не оказалось. Придётся договариваться с Варварой о времени, когда принимать водные процедуры. Эх, надо было две ванны ставить, да слишком накладно. И так целую комнату пришлось выделить для этих целей, а дом далеко не дворец.

Подумал об отце, что пора написать ему письмо. Помещик Островский Митрофан Михайлович давно отрекся от светской жизни, продал имение, чтобы я получил образование и начал своё дело, а сам ушёл в монастырь. Он так и не смог смириться с потерей любимой жены. Дождался, когда выполнит отцовский долг, вырастил меня и покинул мирскую жизнь.

Мы редко с ним виделись, но регулярно переписывались. Даже не знаю, писать ему о том, что я женюсь, или нет? Врать не хочется, но он не поймёт, если узнает, что брак фиктивный.

С этими мыслями я отправился в комнату к сыну и застал Григория умывающимся над тазом. Евдокия поливала его ладони из кувшина, и тот бодро растирал лицо. Сын, конечно, тоже заметил мой налитый синяк посреди лба. Пришлось опять говорить о случайной встрече с ковшом. Мы пожелали друг другу доброго утра, а потом я отправился в кабинет. Пока есть время до завтрака, напишу отцу письмо.

Когда я вошёл в столовую, Варвара и Григорий уже сидели за столом, дожидаясь меня.

— Простите, задержался немного, — улыбнулся я, заняв место во главе трапезы. После короткой молитвы мы принялись за еду.

— Гриша, как прошёл вчера день? — я обратился к сыну, решив начать обыденный разговор. Его глаза вдруг забежали, он покосился на будущую мачеху, сжав губы в тонкую линию.

— Хорошо, — промямлил сын, ковыряя ложкой кашу.

— Что-то ты немногословен сегодня, — я прищурился, чувствуя подвох.

— Александр Митрофанович, я ведь говорила вам, что мы вчера чудесно провели время. Григорий рисовал, играл, а перед сном я почитала ему сказки, — вклинилась в беседу Варвара.

— Да, помню, — я перевёл взгляд на барышню. — Хотел услышать это от сына, но он, видимо, ещё не проснулся.

Теперь Гриша удивлённо распахнул глаза, смотря то на меня, то на будущую мачеху. Такое ощущение, что под моим носом зреет заговор, а я об этом ни сном ни духом.

Мы уже допивали чай, когда со стороны холла послышался звон колокольчика. Евдокия сразу сорвалась с места, торопясь открыть дверь нежданному гостю.

— Кто это? Почтальон? — любопытствовала Варвара.

— Посмотрим, — я бросил взгляд на стену, часы показывали без четверти десять.

— Александр Митрофанович, к вам барышня. Говорит, объявление прочитала в газете, что гувернантка требуется, — скоро вернулась горничная в столовую. — Отвела её в гостиную.

— Замечательно, — я поспешил поставить чашку на стол. — Варвара, приведите, пожалуйста, Гришу в комнату через десять минут.

Сын скривил недовольную гримасу, услышав о гувернантке.

— Выпрямись и не куксись, — строго напомнил я отпрыску о поведении за столом и покинул столовую.

— Доброе утро, сударыня, — я вошёл в комнату, с интересом разглядывая соискательницу.

— Здравствуйте, сударь, — склонила светловолосую голову девушка в скромном сером платье. — Меня зовут Забельская Анна Викторовна. Это же вам требуется гувернантка? — её взгляд на секунду задержался на моём лбе, но барышня тактично не подала вида.

— Всё верно. Я Островский Александр Митрофанович.

Однако она милая и слишком молодо выглядит. Справится ли с Гришей?

— Какое образование вы получили?

— Сначала домашнее, — она скромно потупила глаза, сжимая папку в руках. — Потом я обучалась семь лет в Мариинском училище. Год назад окончила с отличием.

— Замечательно. Опыт у вас имеется?

— Конечно, — сдержанно вздохнула она. — Я проработала одиннадцать месяцев в доме помещика Хлыстова, занималась их восьмилетней дочерью, пока они не переехали в Петербург. Я отказалась ехать, так как у меня мама в Москве, не хочу оставлять её.

— Понятно. Рекомендательное письмо, надеюсь вам дали?

— Да, — она поспешно кивнула.

— Остальные документы при вас? Хотелось бы взглянуть. — Хотя сомневаюсь, что барышня подойдёт. Она имела дело только с воспитанницей, а девочки более покладистые и

послушные. Но всё же не хочу сразу разочаровывать юную прелестницу отказом. — Сколько вам лет?

— В апреле исполнилось двадцать, — она протянула мне папку. Да, ровесница Варвары. Только я подумал о невесте, как дверь в гостиную открылась и на пороге появилась она. За спиной Варвары маячил Гриша, выглядывая из своего укрытия.

— Аннушка? Ты ли это? — всплеснула руками моя невеста, удивлённо разглядывая гостью.

— Варя? Глазам своим не верю! — ахнула в свою очередь Забельская. — Ты... Ты что тут делаешь?

Девушки радостно кинулись друг другу в объятия.

Глава 19. Подруга

Варя

Войдя в гостиную, я едва поверила своим глазам. Анна Забельская собственной персоной! Я кинулась к подруге, крепко обняв её. Год не виделись!

— Как же рада видеть тебя, Варя, — она широко улыбалась, смотря на меня.

— Аннушка, какими судьбами? — задала я вопрос, а потом сообразила, что она тут делает. Всё же вместе учились в Мариинке. — Ты пришла устраиваться гувернанткой?

— Да, прочитала объявление и сразу сюда. Я, между прочим, писала тебе, как обещала, но ответа так и не получила, — она сдвинула брови к переносице и наигранно надула губы.

— Аннушка, я не получала ничего, — покачала я головой. — Видимо, Щедрина твои письма перехватывала.

— Ух, вот же... нехорошая женщина твоя родственница, — она удержалась от более крепких слов и покосилась на Островского, который недоуменно наблюдал за нами, но в разговор не вмешивался. — А ты что тут делаешь? — повторила девушка вопрос и подозрительно прищурилась.

— Варвара Михайловна моя невеста, — подал голос мой жених, опередив меня.

— Невеста? — выпучила глаза Анна. — Однако неожиданно. Поздравляю. И когда свадьба?

— Уже в эту пятницу, — я взяла подругу за руку. — Хочу, чтобы ты была на венчании в качестве моей подруги.

Я знаю Анну с тех пор, как оказалась в училище. После выпускного мы не виделись до этого момента. Она дружила с Варей до моего появления в её теле. Отказываться от общения с Забельской я не стала, ведь она мне здорово помогла, когда я ссылалась на амнезию после тяжёлой болезни. Именно Анна рассказала всё о моей предшественнице. А ещё помогала мне с французским и с латинским, сама я знала только английский, да и то на твёрдую троечку. Хорошо, что Варя и раньше не блистала в языках, поэтому Анна охотно продолжала тянуть подругу по этим предметам. Конечно, Аннушка не знает, что теперь в теле Бахметевой другая душа — я не решилась признаться. Это моя тайна, которую свято храню.

— Ты приглашаешь меня? — ахнула Забельская.

— Я так понимаю, вы учились вместе? — а вот Островский был не в восторге от этого факта. Он строго смотрел на нас, заложив руки за спину.

— Да, Анна моя подруга, — я не выпускала руки девушки. — И хочу, чтобы она присутствовала на венчании. Хоть одна близкая душа будет рядом со мной в этот знаменательный день.

— А как же тётушка и кузина? — Анна недоуменно округлила глаза. — Их разве не будет?

— Нет. Они даже не в курсе, — понизила я голос, помня о том, что где-то рядом маячит Гриша. — Я тебе позже расскажу, наедине.

— Поняла, — подруга заговорщицки подмигнула.

— Александр Митрофанович, возьмите Анну Викторовну гувернанткой, — я требовательно посмотрела на жениха. — Я хорошо знаю её. Она исполнительная, ответственная, любит детей. Уверена, Анна справится с воспитанием Гриши. Тем более мы с ней подруги, если что, помогу ей.

— Что ж, ваши рекомендации приняты, Варвара Михайловна, — Островский задумчиво посмотрел сначала на меня, потом перевёл взгляд на Анну. — Но всё же желаю взглянуть на документы вашей подруги, — он подошёл к чайному столику и положил папку, открыв её.

— Григорий, знакомься, — я развернулась к будущему пасынку. — Это Анна Викторовна Забельская, твоя гувернантка.

— Я ещё не решил, взять вашу подругу на работу или нет, — недовольно подал голос Островский, шурша бумагами. Строит из себя строго барина.

— Анна, это твой воспитанник, Григорий Александрович Островский, — продолжала я знакомство и указала на мальчика, который смотрел на нас исподлобья с подозрением и недоверием. Губы поджаты, руки за спиной — маленькая копия своего отца.

— Bonjour, mademoiselle, — пробубнил Гриша, склонив голову.

— Bonjour. J'espère que nous pourrions devenir amis¹⁰, — воодушевилась Анна. — Уже не терпится приступить к занятиям.

Будущий воспитанник её порыва не оценил и скорчил недовольную рожицу. Чую, придётся Аннушку первое время спасать от проделок этого сорванца.

— Григорий, не кривляйся, — строго сделал замечание отец сыну. — Хорошо, Варвара Михайловна, я приму Анну Викторовну гувернанткой. Документы в порядке, рекомендации хорошие. Жалование в тринадцать рублей. Устроит?

— Конечно устроит. Благодарю, — выпалила Анна.

— Надеюсь, я не пожалею о своём решении, послушав вас, Варвара.

— Уверю, Александр Митрофанович, вы не пожалеете, — я обняла подругу за плечи. Будет хоть с кем пошутиться за чашкой чая. — Как же ты, Аннушка, удачно прочла это объявление в газете. Пойдём, я покажу тебе дом. Григорий, не отставай, — скомандовала я, уводя девушку из гостиной. Чувствую себя уже настоящей хозяйкой особняка.

Сначала мы прошлись по первому этажу. Я представила Анну кухарке и горничной, которые как раз крутились в столовой, убирая посуду после завтрака. В хозяйский кабинет и лабораторию мы, конечно, не стали входить без разрешения Островского. Я просто указала на святую будущего мужа и строго наказала Анне не входить туда без спроса. Гриша плёлся за нами, тихо вздыхая. Понял проказник, что теперь у меня есть помощница и все его проделки будут пресечены на корню.

Потом мы отправились на второй этаж. Я показала детскую классную комнату, и там мы оставили мальчика играть, наказав никуда не уходить. Из детской смежная дверь вела в небольшую комнату с кроватью, тумбочкой и платяным шкафом. Помещение предназначалась для гувернантки.

— Здесь, конечно, тесновато, — разглядывала я полупустую комнату, — но зато у тебя будет свой уголок.

— Не страшно, главное, что я нашла работу, — вздохнула девушка. — Год-два поживу у вас, пока Григорий маленький. Потом он подрастёт, и ему потребуется гувернёр, более опытный и образованный наставник, чем женщина. А я пока опыта наберусь. Спасибо тебе большое, Варя, что замолвила за меня слово перед Островским. Я ведь уже отчаялась найти работу. Месяц сижу на шее у матери, а её вдовьей пенсии не хватает, опять мы в долгах, — вымолвила она с грустью.

— Знаю, тяжело молодой и красивой девушке устроиться гувернанткой, — я искренне сочувствовала подруге. — Ревнивые жёны предпочитают брать в дом страшеньких или пожилых матрон, а лучше сразу оба качества.

— Да, ты права, — она слегка ухмыльнулась. — Хлыстовы взяли меня в дом только по рекомендации Марии Александровны. Если бы не попечительница училища, я бы никуда не устроилась без опыта. Честно, я сама ушла от Хлыстовых, — Анна вдруг отвернулась к окну, устремив взгляд вдаль. — Нелегко работать без выходных, постоянно следить за девочкой, учить, везде сопровождать. На самом деле я ушла не потому, что Хлыстовы уехали в Петер-

¹⁰ Bonjour. J'espère que nous pourrions devenir amis - Здравствуй. Я надеюсь, мы подружмся - (перевод с фр.)

бург. Карп Алексеевич начал приставать ко мне, зажимать в углах, пока никто не видит, лез с поцелуями. Сопротивлялась как могла, терпела и не смела ничего говорить его жене, опасалась, что она не поверит и выгонит меня без рекомендательного письма. А потом этот гад начал подкарауливать меня чаще, пригрозил оставить без жалования, пришлось сразу просить Хлыстову рассчитать меня.

— Какой ужас, — ахнула я, обняв подругу. — Правильно сделала, что ушла. Я бы этому Карпу Алексеевичу показала, где раки зимуют. Хорошо, что ты здесь, никто тебя не обидит, обещаю. А если вдруг Островский начнёт руки распускать, можешь смело мне говорить, я его приструню.

— Ты так говоришь, будто не любишь вовсе жениха, — она обернулась, удивлённо посмотрев на меня.

— Так и есть, — тихо произнесла я, покосившись на закрытую дверь. — Наш брак фиктивный, чтобы я смогла уйти от Щедриных и получить своё наследство.

Я поделилась с Аннушкой, поведав ей о том, как меня чуть бандиты не утопили, из-за чего я решилась на отчаянный шаг, сделав предложение Островскому, который меня спас от смерти. Подруга только ахала, слушая мою историю.

— Вот это приключения у тебя, Варя. Даже подумать не могла, что твоя тётя способна на такое, — качала она головой. — Замужество, конечно, выход, станешь настоящей светской дамой. Повезло тебе, что встретила такого благородного рыцаря, как Александр Митрофанович.

— Это точно. Он хороший, правда со своими тараканами в голове, — кивнула я. — Кстати, твои вещи нужно забрать из дома. Пойдём во двор, попросим кучера отвезти тебя и пусть чемоданы твои заберёт.

— Пойдём, — Анна наконец-то улыбнулась. — Обрадую маму, что ей не придётся кормить меня.

— Как, кстати, Ольга Павловна поживает? Как здоровье её? — Мы вышли в детскую. Гриша сидел за столом, играя оловянными солдатиками. Вот и ладно, пусть играет.

Здорово всё же, что Анна так удачно откликнулась на объявление Островского. Мне так не хватало подруги и наших разговоров по душам.

Глава 20. Парфюмерная дегустация

Александр

Я удивился тому, что Варвара и Анна оказались подругами. Вот же совпадение! И не смог отказать невесте в её просьбе. Рекомендации у соискательницы были хорошими, поэтому не видел причин отказывать.

Варвара, однако, уже вживается в роль хозяйки — повела подругу показывать дом. Вот и ладно, брак хоть и фиктивный, но обязанности супруги по дому никто не отменял.

Вздыхнув облегчённо, я поднялся в спальню, переоделся и отправился по делам. Заехал в аптеку, изготовил несколько сложных рецептурных составов, которые я никому не доверял делать. Проверил, как идёт производство на мыловарне. Савелий опять жаловался, что рабочие едва успевают изготовить новую партию мыла. Я снова дал слово, что вот-вот закупим новое оборудование. В общем, всё как обычно.

Вернулся домой как раз к обеду. Поднялся в детскую. Гриша что-то вырезал ножницами из бумаги.

— Что мастеришь? — участливо поинтересовался я у сына.

— Планер, — с гордостью заявил он. — Хочу пустить из окна и проверить, как далеко улетит.

— Интересная идея. Будешь вторым Можайским¹¹. А где твоя гувернантка и Варвара Михайловна?

— В комнате закрылись, — кивнул он в сторону.

— Благодарю. Гриша, иди в столовую да руки не забудь помыть, — дал строгое указание и подошёл к гувернёрской. — Варвара, вы тут?

Дверь открылась, и на пороге появилась моя невеста.

— Александр, вы вернулись уже, — улыбалась она приветливо. — А я тут Аннушке помогаю вещи раскладывать.

— Понятно. Меланья зовёт всех на обед. Анна Викторовна может сесть с нами за стол.

— Отлично, мы сейчас будем, — кивнула она и закрыла дверь перед моим носом.

Я сменил костюм и спустился в столовую. Обед вышел оживлённым. Новая гувернантка охотно делилась сведениями о себе и своей семье. Её отец был офицером армии, погиб в русско-турецкой войне. Она плохо его помнила, но мать много рассказывала ей о доблестном родителе.

После обеда наступал час отдыха. Гувернантка пошла укладывать Григория на дневной сон. Правда, вряд ли он будет спать, считает себя уже большим для этого. Варвара ушла к себе в комнату. Я же отправился в лабораторию.

Надел белый халат и принялся снова изучать ароматы своих о-де-колонов, которые были готовы. Композиция «Виолет», после того как я изменил состав, прислушавшись к совету Варвары, действительно стала мягче и легче, приобрела пудровые нотки.

Я подносил к носу то одну полоску бумаги, то вторую со старым составом, и снова убеждался в том, что новый «Виолет» мне нравится больше. Все ноты идеально сочетаются, а шлейф намекает на тайну, которую мужчина непременно захочет разгадать.

Любопытно, что Варвара скажет насчёт нового состава? А что подумает о других о-де-колонах? Я удивился пришедшей в голову мысли, хмыкнув себе под нос, — мнение невесты стало меня интересовать. Но всё же совет юной барышни пришёлся мне по вкусу. Я готов выслушать критику. Чем чёрт не шутит, пусть скажет, что думает. Надеюсь, она успела отдохнуть за прошедшие два часа.

¹¹ Можайский А.Ф. - русский изобретатель, пионер авиации (1825-1890).

Невесту я отыскал в её комнате. Варвара открыла дверь, и я заметил на её голове новую фетровую шляпку, с искусственными белыми пионами, которые ей очень шли. Шею украшал белый шёлковый шарф.

— Простите, Варвара Михайловна, вы не могли бы уделить мне несколько минут? — разглядывал я наряд девушки. — Вы куда-то собрались?

— В сад на прогулку вместе с Аннушкой с Григорием, — она вышла из комнаты. — Какое дело у вас ко мне?

— Я всё же решил прислушаться к вашему совету и на днях изменил состав о-де-колона «Виолет». Хотел бы услышать ваше мнение.

Брови барышни взметнулись вверх, потом сразу вниз, и на губах появилась довольная улыбка.

— Прекрасно. Рада, что вы решились. Теперь я стораю от любопытства и желаю узнать, что у вас получилось, — Варвара уверенно двинулась в сторону лестницы.

В холле мы как раз встретили гувернантку с Гришей, который поджимал недовольно губы. Варвара попросила подругу идти без неё, пообещав присоединиться к ним чуть позже.

В кабинете барышня вспомнила, что у неё на голове шляпка, и сняла головной убор. Я протянул ей чистый халат, чтобы уберечь новый наряд от неожиданных пятен. В лабораторию мы вошли вместе.

— Это шлейф, — я взял со стола блоттер, который использовал час назад.

Варвара поднесла к носу полоску и слегка втянула носом аромат, прикрыв глаза. Надеюсь, от удовольствия.

— М-м-м, — протянула она, — совсем другое дело. Нежно, вкусно и с изюминкой.

— Вам нравится? — даже дыхание затаил.

— Угу, — кивнул мой критик, снова вдохнув аромат. — А как верхние ноты звучат?

Я капнул о-де-колон на чистую полоску и протянул её девушке. Слегка помахав бумажкой, Варвара вдохнула и довольно улыбнулась:

— А вам самому нравится?

— Признаюсь, аромат действительно стал лучше. Теперь я уверен в том, что он станет популярен у барышень и замужних дам, — охотно согласился я. — Спасибо вам за дельный совет.

— Рада, что вы это признали, Александр, — довольная улыбка не сходила с её лица.

— А что вы скажете насчёт моих «Идеала» и «Наполеона»? Вы же ещё не успели ощутить их композиции?

— Не успела, но безумно интересно, что вы придумали. Давайте начнём с «Наполеона». Только чур не обижаться на критику, если таковая последует, — её указательный палец ткнул в мою сторону.

— Постараюсь, — вздохнул я, предчувствуя, что без претензий не обойдётся.

Я достал из шкафчика флаконы с о-де-колонами.

Варвара, едва вдохнула верхние ноты парфюма, сразу скривилась, фыркнув.

— Ух, Наполеон решил взять реванш и сразил всех наповал своим о-де-колоном, — хихикнула она и усилием воли подавила смех. — Простите, Александр, не удержалась от шутки. Аромат неплох, цитрус и розмарин, но смолянисто-горькие ноты делают его грубоватым. Вы переборщили с тяжёлой артиллерией. Пачули и ладан?

— Что вы предлагаете? — меня кольнуло её замечание, но я не подал вида.

— Назовите точный состав, пожалуйста, не могу услышать сразу все ноты.

— Верхние ноты: апельсин, розмарин, цветок лимона. Сердце: герань, лаванда, гвоздика и можжевельник. Шлейф: пачули, индийский ветивер, ладан и кедр, — перечислил я все используемые масла.

— Может, заменить индийский ветивер на бурбонский, он не такой горький и более тёплый, — задумалась Варвара, посмотрев на потолок. — И ладан точно лишний. Любите вы его, как я посмотрю.

— Нет бурбонского, — мои брови сами сдвинулись к переносице, — только индийский.

— Может, использовать его по минимуму, либо вообще заменить кардамоном? — девушка снова помахала полоской бумаги перед носом. — В общем, нужно думать. Я, честно говоря, не так сильна в сочетаниях мужских ароматов, как в женских. А если добавить кофейные нотки?

— Кофейные? — что-то барышня ерунду начала говорить. — Кофе пьют, а не используют в парфюмерии.

— Простите, глупость сказала, — её щёки вдруг порозовели. — Наверное, кофе захотелось. Давайте лучше следующий аромат. Как там его? «Идеал»?

— Да, минутку.

Когда Варвара испробовала второй о-де-колон, она обвела взглядом помещение, потом посмотрела на меня.

— Вы не поверите, но аромат мне нравится, — и вскинула брови. — Вы им пользуетесь сами?

— Всё верно, Варвара Михайловна, — я искренне удивился, как легко она поняла это. — Вам действительно нравится?

— Кедр и полынь — вы нашли прекрасное соотношение, — вкрадчиво произнесла она, снова поднеся к носу бумажную полоску, и даже глаза прикрыла. — Только название звучит пафосно и как-то не по-мужски.

— Рад, что у вас претензии только к названию, — я невольно улыбнулся. — Спасибо вам за критику, Варвара. Обязательно подумаю над тем, как сделать «Наполеон» поистине императорским ароматом.

— Я могу быть свободной? А то Аннушка с Гришей заждались меня в саду, — она посмотрела на меня голубыми глазами, и я невольно залюбовался их чистым цветом.

— Конечно идите. Не смею вас задерживать.

— Увидимся за ужином, — она хотела было развернуться, но вдруг бросила взгляд на флакон с обновлённым ароматом «Виолет» и развязала на шее шёлковый шарф. — Могу я нанести капельку аромата на ткань?

— Конечно. — Я взял чистую стеклянную палочку, окунул кончик во флакон и капнул пару капель парфюма на подставленную часть шарфа.

— Спасибо, — Варвара снова улыбнулась, а затем поспешила выйти.

Интересно, где она могла узнать столько о парфюмерных маслах и их сочетаниях? В Мариинке этому точно не обучают.

Глава 21. Венчание

Варя

Чуть не спалилась! Ляпнула про кофе, а этот аромат парфюмеры создали только в двадцатом веке с развитием химии. Впредь необходимо быть более внимательной к таким деталям. Островский уже с подозрением смотрит на меня. Нужно придумать легенду, откуда у меня такие познания в парфюмерии, а сейчас пора бежать в сад.

Прогулка вышла занимательной. Я нашла Анну с Гришей в деревянной беседке и решила устроить исследования в духе юного ботаника. Гриша быстро втянулся в игру. Мы изучали каждое растение, которое можно было найти на территории сада: деревья, кусты, травы и цветы. Сравнивали растения и ароматы не только самих соцветий, но растирали в руках листья, чтобы ощутить всю палитру запахов.

Некоторые названия растений я знала, некоторые нет. Сад не отличался большим разнообразием и ухоженностью. Насколько мне известно, обязанности садовника лежали на Кузьме, он же кучер и дворник, поэтому не уделял много времени цветам. Сорняки росли наравне с пионами и лилиями. Аптечная ромашка, чертополох, календула, полынь, которая удивила Григория ярким запахом. Мальчик даже вспомнил, что папин о-де-колон пахнет так же. Я похвалила его за наблюдательность. Оказывается, нюх у него отличный, может, по стопам отца пойдёт.

Анна участия в игре не принимала и только наблюдала за нашими исследованиями, изредка отвечая на мои вопросы. Подруга призналась, что не любит ботанику. Морщила нос, когда я срывала очередной листок, растирая его пальцами, а потом вдыхала аромат.

Зато ужин прошёл в прекрасной обстановке. Гриша с охотой поделился с отцом своими исследованиями, рассказывая, какие растения произрастают в саду и их отличительные особенности. Анна не забыла похвалить воспитанника, называя его умным и сообразительным, словно она принимала активное участие в игре. Наверное, хотела показать Островскому, что она налаживает общение с воспитанником.

Четверг прошёл быстро. В пятницу я проснулась раньше обычного, сразу попросила горничную принести мне чашку кофе. Кухарка на удивление знала толк в варке этого чудонапитка. Я с удовольствием возобновила свой утренний ритуал, который укоренился ещё в том времени, где я родилась. Теперь день начинался с чашки ароматного кофе — только ради этого уже стоит выйти замуж за Островского. Венчание назначено на одиннадцать, сразу после утренней службы, поэтому времени на подготовку оставалось немного.

Вчера перед сном я приняла ванну. Евдокия позже накрутила мои слегка влажные волосы на тряпичные папильотки, чтобы утром сделать красивую причёску.

Не успела я насладиться бодрящим напитком, как в комнату настойчиво постучали.

— Варя, ты не спишь? — прозвучал голос подруги. — Я пришла, как договаривались.

— Аннушка, проходи! — крикнула я, допивая кофе из чашки.

Дверь отворилась, впуская гувернантку.

— Доброе утро. Как себя чувствует невеста? — улыбнулась девушка, подойдя возле к столу, за которым я сидела.

— Прекрасно, жду не дождусь часа, когда Островский назовёт меня женой, — я растянула губы в улыбке.

— Где же подвенечный наряд? Хочется взглянуть на него, — глаза у подруги горели азартом.

— В гардеробной висит. Нужно сначала причёску сделать. Евдокия обещала скоро прийти и помочь уложить волосы.

— Зачем ждать горничную? Я сделаю тебе причёску, будешь самой красивой невестой, — уверенно ответила подруга и начала развязывать папильотки на моих волосах.

— Спасибо, Аннушка. Что бы я без тебя делала? — искренне порадовалась я в очередной раз, что Александр взял девушку на работу.

Подруга аккуратно освободила мои рыжие пряди от папильоток и начала укладывать волосы на затылке в свободный пучок. Я просидела час перед зеркалом, наблюдая за ловкими руками Анны.

— Готово! — подруга воткнула в волосы последнюю шпильку и подала мне зеркало с ручкой.

Я повернулась спиной к трюмо и увидела отражение красивых локонов, спускающихся по спине из пышного пучка.

— Аннушка, какая ты рукодельница, даже причёски умеешь делать, — похвалила я девушку. — Очень красиво получилось, спасибо.

— Научилась, так как приходилось укладывать волосы своей бывшей воспитаннице. Пора надевать платье?

— Пора, — кивнула я. — Пошли за нарядом.

Когда мы вошли в гардеробную, где на плечиках висело новое белое платье, Анна ахнула, раскрыв рот.

— Какая красота! — подруга подошла к наряду и с придыханием провела рукой по ткани и вышивке. — Нам в Мариинке такое даже не снилось.

— Согласна, наши выпускные платья были не такими роскошными. Никогда не забуду, как Щедрина отдала мне старое платье своей доченьки. Помнишь, как я вечерами его перешивала, чтобы оно сидело на мне и хоть немного соответствовало моде? — вспомнила я эпизод из жизни в училище и передёрнула плечами.

— Помню конечно, — Анна продолжала исследовать платье, — но такой красоты ни у кого не было. Откуда у бедных сирот деньги на китайский шёлк? Я скучаю по тем временам, когда мы учились в Мариинке, — тяжело вздохнула подруга, повернувшись ко мне. — А ты?

— Тоже скучаю, — ответила я, соврав.

Не признаваться же в том, что это было самое тяжёлое для меня время, когда я адаптировалась к новым условиям жизни. Еле оправилась от болезни, из-за которой первая хозяйка этого тела отправилась в мир иной, а потом учёба все соки из меня выжала. Строгие учителя не позволяли расслабиться. Латынь и французский, а особенно этикет давались с трудом. Приходилось читать учебники по ночам под еле тлеющим огарком свечи, пока остальные пансионерки спали. Думала, зрение лишусь от такого бдения.

— Дали образование, выпустили во взрослую жизнь и забыли. Никому больше и дела нет до твоей судьбы, — продолжила Анна, в её голосе звучали нотки обиды и горечи. Мне даже показалось, что она вот-вот заплачет. — Тебе, Варя, очень повезло. Родители не оставили без наследства, тебе не нужно работать гувернанткой. Даже жених сыскался под стать — молодой, хорош собою. Такой точно не обидит.

— Аннушка, ты чего? — я обняла подругу. — Не кисни, вот выйду замуж, и тебе хорошего жениха найдём. Уверена, у Александра есть много друзей. Может, среди них сыщется для тебя достойная пара.

— Кому нужна бесприданница? — девушка вымученно улыбнулась. — Не будем о грустном. Пора тебя в подвенечное платье наряжать, а то опоздаем в церковь.

На этот раз без помощи горничной всё же не обошлось. Чулки, панталоны, сорочка, корсет, полукринолин с тонкими металлическими кольцами ниже колена, первая юбка, ещё одна с небольшим турнюром, чтобы сзади придать объём. Только потом горничная и Анна надели на меня само платье.

— Какая вы красивая, барышня, — всплеснула руками Евдокия, закончив расправлять складки.

— Да, Варвара, платье тебе очень идёт, — улыбалась подруга. — Остались перчатки и фата.

Я рассматривала себя в зеркале, любуясь подвенечным нарядом. Не принцесса — королева! Созерцание прервал стук в дверь.

— Варвара, вы готовы? — вот и жених пожаловал. — Через десять минут выезжаем. Могу я войти?

— Готова! — крикнула я, обернувшись. — Входите.

Островский толкнул дверь и застыл на пороге, увидев меня. Одет он был в чёрный костюм-тройку, только белоснежная рубашка и бутоньерка из лиловых фиалок придавали торжественность образу жениха.

— Чудесно выглядите, Варвара. Прекрасное платье, — он подал знак горничной и Анне, чтобы те вышли из комнаты. Я заметила в его руках небольшую коробочку из синего бархата. Евдокия с Анной послушно ретировались, оставив нас с женихом наедине.

— Я подумал вчера, что вам очень пойдёт комплект из белого жемчуга, — Островский не сводил с меня глаз. — Пусть это будет моим свадебным подарком. Надеюсь, вам понравится.

Мужчина открыл коробку, демонстрируя мне содержимое. Шагнув ближе, я с восторгом разглядывала две жемчужные нити с идеально ровными бусинами и простые серёжки-капельки.

— Очень красиво, — я коснулась гладких перламутровых бусин. — Спасибо большое.

— Рад, что вам нравится. Позвольте, я помогу? — Александр положил коробку на столик и взял кольцо.

Я повернулась к нему спиной. На грудь легли прохладные нити жемчуга, а шеи коснулись тёплые пальцы жениха. От этого контраста мурашки побежали по телу.

— Вот теперь полный порядок. Можно ехать в церковь.

— Благодарю, — склонила я голову, повернувшись к мужчине. — Ждите меня у кареты.

Островский вышел из комнаты, позвав Евдокию и Анну, чтобы те помогли мне с фатой. Подруга ахнула от восторга, заметив на мне жемчуг. Украшения действительно органично вписались в образ невесты. Когда длинная фата была на месте, мы вышли из комнаты.

В церковь приехали вовремя. Утренняя служба завершилась, и последние прихожане выходили из ворот.

Анна с Григорием ехали с нами, отчего было немного тесновато в карете. Сначала вышел жених, спустил сына на землю, потом помог Анне и мне выбраться из экипажа. Подруга принялась поправлять юбку моего платья и фату. К нам тут же кинулись за подаванием нищие, желая счастья и благополучия. Александр дал каждому по монетке, достав мелочь из кармана.

— А вот и жених с красавицей невестой! — из ворот навстречу вышел молодой русоволосый мужчина в сером костюме. В руках у него был небольшой букет белых роз, который он отдал жениху. — Вот, держи, нашёл-таки я розы.

— Спасибо, друг, — Александр представил меня и Анну мужчине, а цветы вручил мне.

— А это Савелий Андреевич Куликин. Он будет нашим поручителем, — познакомил нас Островский со свидетелем. — А где же Настасья? — спросил он у друга.

— В церкви с батюшкой беседует. Любит сестра задушевные беседы со священнослужителями, чтобы мужа уму-разуму учить, — иронично ответил мужчина. — Пойдёмте, батюшка ждёт вас, кольца уже лежат на святом престоле.

Взяв под руку жениха, я ощутила волнение, всё же венчание это серьёзный обряд. Только бы всё прошло гладко. Мы вошли в церковь, перекрестившись перед входом. Тяжёлый запах восковых свечей и кадила встретили нас на пороге. Я заметила дородную женщину в синем

платье, на голове у неё был повязан платок. Она стояла рядом с бородатым мужчиной. Наверное, это и есть Настасья, сестра Савелия, которая будет вторым поручителем на венчании.

Священник начал с молитвы, вручив нам по зажжённой свече. Так как у нас не было отдельного обряда обручения, его проводил священник сейчас, до того, как мы подойдём к аналою для венчания.

После того как батюшка надел нам кольца, благословил, трижды осенив крестом, запел хор. Священник замахал кадилом и пошёл к аналою, распевая молитву. Александр шагнул за ним, и я, подобрав одной рукой платье, тоже пошла в центр церкви. Мы встали на белый рушник, устланный на полу. Батюшка повернулся к нам и сурово спросил сначала жениха:

— Александр, имеешь ли ты искреннее и непринужденное желание и твердое намерение быть мужем Варваре, которую видишь здесь перед собою?

— Имею, отче, — кивнул Островский.

— Не связан ли ты обещанием другой невесте?

— Не связан, отче, — твёрдо ответил жених.

— Варвара, имеешь ли ты искреннее и непринужденное желание и твердое намерение быть женой Александра, которого видишь здесь перед собою? — обратился ко мне священник.

— Имею, отче, — с волнением произнесла я.

— Не связана ли ты обещанием другому жениху?

— Не связана, отче, — слова быстро слетели с моих губ.

— Не верьте ей! Врёт она, люди добрые! — раздалось ярое возмущение на всю церковь.

Кровь отхлынула от моего лица — этот противный голос невозможно было не узнать. Все разом повернулись в сторону входа, где стояли обе Щедрины собственной персоной.

Глава 22. Родня против

Александр

— Не верьте ей! Врёт она, люди добрые! — пробасила какая-то сумасшедшая женщина. Я аж подскочил на месте, будто пчелой ужаленный. На моей невесте вмиг лица не стало, она побледнела, слившись с цветом платья.

В дверях стояли две знакомые личности, видеть которых совсем не хотелось бы. Как они узнали о венчании?! За их спинами маячил какой-то мужчина с залысинами, по возрасту годящийся в мужа Щедриной. Насколько я помню, Варвара говорила, что тётка вдова.

— Батюшка, нельзя их венчать! — между тем продолжала истерично орать женщина на всю церковь. — Моя

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.